

На правах рукописи

Бекасова Елена Николаевна

**МЕХАНИЗМЫ ГЕТЕРОГЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ
РУССКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕФЛЕКСОВ ПРАСЛАВЯНСКИХ
СОЧЕТАНИЙ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук



Екатеринбург – 2008

Работа выполнена на кафедре общего языкознания и русского языка ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» и на кафедре языкознания ГОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет»

Научный консультант

Гридина Татьяна Александровна
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Голованова Елена Иосифовна
доктор филологических наук, профессор

Рут Мария Эдуардовна
доктор филологических наук, профессор

Щербакова Наталья Николаевна
доктор филологических наук, профессор

Ведущая организация:

Московский государственный
областной университет

Защита состоится «__» декабря 2008 г. в __ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций (специальность 10.02.01 – русский язык) при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, УрГУ, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького».

Автореферат разослан: «___» _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Литовская М.А.

Общая характеристика работы

Проблема соотношения, функционирования и взаимодействия в истории русского языка восточнославянских и южнославянских по происхождению соотносительных рефлексов праславянского языка по-прежнему остаётся одной из актуальных. Как диагностирующие признаки церковнославянской (старославянской) и исконной языковых систем данные элементы – непрерывный атрибут изучения механизмов становления и развития русского литературного языка, специфики его генетической основы, характеристики литературного двуязычия древней Руси, описания памятников письменности.

Обширная научная литература, в той или иной степени затрагивающая сосуществование и закрепление генетически неоднородных элементов различных групп рефлексов, и использование фактов их сложной судьбы для построения – нередко диаметрально противоположных – концепций происхождения русского литературного языка показывают не только важность их изучения на разных исторических этапах, но и необходимость воссоздания целостной картины их взаимодействия и учёта всех аспектов одной из сложных и дискуссионных проблем русистики, более того – разрушения устоявшихся стереотипов их описания и осмысления.

Многообразие имевшихся и сохранившихся в русском языке образований с результатами различной реализации праславянских рефлексов, сложность их усвоения и тысячелетнее совместное функционирование определили **объект** предлагаемого исследования, которым явились наиболее широко представленные в системе русского языка и однозначно трактуемые с генетической точки зрения явления: 1) рефлексы *tj; 2) рефлексы *dj; 3) полногласные и неполногласные сочетания (из рефлексов *ol, *el, *or, *er) и начальные ра-/ро- и ла-/ло- (из рефлексов *or, *ol), а также другие – менее представленные корреляции типа начальных *o* и *e*.

Актуальность исследования обусловлена как выбором объекта изучения, так и действием разнообразных факторов, влияющих на взаимодействие, отбор и закрепление определённых по происхождению рефлексов в системе одного языка, что позволяет определить реципиентные свойства языковой системы и её подсистем, раскрыть механизм складывания и развития русского языка и его страт в процессе отбора коррелятов.

Цель работы заключается в выявлении механизмов отбора, освоения и закрепления различных групп генетически неоднородных элементов в процессе эволюционного развития системы русского языка.

В соответствии с целью исследования предполагается решить следующие конкретные задачи:

1. Выявить и описать инвентарь слов, имеющих в своем составе гетерогенные элементы.

2. Определить факторы, обуславливающие закономерности вхождения южнославянских рефлексов в систему русского языка и соответственно восточнославянских – в церковнославянские тексты и их дальнейшую судьбу.

3. Изучить особенности функционирования, взаимодействия генетически соотносительных элементов и причины отбора определённых оппозиций в различных памятниках восточнославянского, старорусского и церковнославянского (русской редакции) языков.

4. Установить общие закономерности вхождения в языковую систему определённых по происхождению диагностирующих признаков и причины их закрепления в русском языке на каждом этапе его развития.

5. Проследить особенности представления генетически неоднородных рефлексов в современном литературном языке и системах русских диалектов.

Цель и задачи данного исследования обусловили выбор **материала** лингвистического анализа, которым явились: оригинальные и переводные памятники восточнославянской и старорусской письменности различной временной, территориальной и жанровой принадлежности; фольклорные тексты; произведения писателей и общественных деятелей, материалы бытовой и деловой письменности периода складывания норм национального русского языка; наиболее значительные словари русского языка XI–XX вв. (Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., Словарь русского языка XI–XVII вв., Словарь русского языка XVIII в., словари современного русского литературного языка, словари русских народных говоров); памятники церковнославянского языка (русской редакции) XI–XVII вв., а также некоторые издания книг Священного Писания XVIII–XIX вв. (всего более 3600 наименований).

Предметом изучения были избраны механизмы генетической организации системы русского языка и его страт, а также текстов церковнославянского языка.

Методы исследования обусловлены целью и задачами работы. В качестве основных применялся метод и приёмы лингвогенетических исследований. Используются приёмы внутренней реконструкции форм, фонеморфологического анализа, системного описания с привлечением статистической и текстологической методик. Специфика анализируемого материала потребовала комплексного подхода к выяснению причин использования одного из имеющихся в арсенале русского языка эквивалентов с учётом возможных лингвистических и экстралингвистических факторов.

Научная новизна работы обуславливается кругом поставленных и освещаемых вопросов, особенностями подхода к объекту исследования, который впервые представлен наиболее значительными группами гетерогенных рефлексов на протяжении их тысячелетнего сосуществования, что позволяет выявить механизмы вхождения чужеродных элементов в систему языка, основные тенденции их взаимодействия с исконными оппозициями и проследить сходства и различия в судьбе отдельных групп рефлексов праславянских сочетаний.

Исследование гетерогенных элементов с момента их столкновения на русской почве до настоящего времени на материале литературного языка, системы диалектов, фольклорных текстов с привлечением данных церковнославянского языка и учётом различных лингвистических и экстралингвистических факторов позволяет адекватно осветить сложные процессы освоения

генетически разнородных явлений в языке как системе подсистем, в его стра-тах, на уровне текста и слова.

Принципиально новым является последовательное разграничение групп, реализующих различные рефлексы праславянских сочетаний, в том числе в «группе отдельных слов» [Шахматов 1941] и взаимосвязанных системных образований (глагольные формы и отглагольные существительные), реализующих полную парадигму морфонологических чередований.

Теоретическая значимость работы определяется решением целого ряда вопросов взаимодействий южнославянских и восточнославянских элементов в истории русского языка, в свою очередь позволяющих осветить проблему генезиса русского литературного языка, определить способность различных уровней системы и её страт воспринимать иноязычные элементы, установить их реципиентные свойства и механизмы трансплантации и ауто трансплантации, выявить факторы, регулирующие процессы их адаптации, выявить основные тенденции становления и развития языковой нормы в условиях гетерогенной вариантности.

Практическая ценность работы обусловлена возможностью использования в дальнейшем материалов исследования для описания памятников древнерусской письменности, при изучении специфики литературного двуязычия Киевской и Московской Руси, особенностей эволюции русского языка, специфики генетической организации текста, системы языка и её подсистем.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Установившаяся традиция подхода к диагностирующим признакам как абсолютно функционально и результативно симметричным явлениям, во многом хрестоматийно залакированным, не позволяет раскрыть механизмы их вхождения в иноязычную среду, специфику корреляции с исконными эквивалентами, их отбор и закрепление, а следовательно, адекватно отразить языковую ситуацию в древней Руси и выдвинуть соответствующие гипотезы происхождения и генетической основы русского литературного языка.

2. Отдельные группы и подгруппы генетически соотносительных элементов имеют разную судьбу в истории русского языка и церковнославянских текстах, так как регулируются соответствующими механизмами их внедрения и адаптации.

3. Инерция семантико-стилистического критерия как основного, регулирующего отношения полногласных и неполногласных сочетаний затрудняет выявление других, более значимых и определяющих факторов отбора рефлексов восточнославянского и южнославянского происхождения иных – не менее представленных групп, которым в той или иной степени суждено было пройти целый ряд «фильтров» в системе чужого языка.

4. Важнейшим фактором, в значительной степени определившим судьбу целого ряда групп праславянских рефлексов в истории русского языка является степень фонетической адаптации южнославянских по происхождению элементов на восточнославянской почве. Именно он является причиной наличия исконного рефлекса *dj в церковных текстах на фоне южнославянской гомогенности и отсутствия параллелизма в реализации рефлексов *dj и tj,

наиболее ярко выступающего в феномене отсутствия в формах 1 лица презенса южнославянского по происхождению альтернанта /жд/ в соответствии с реализуемым типом альтернации.

5. Особо значимым для рефлексов, реализующихся на конце корневого морфа, было прохождение позиционного фильтра, определившего сложную конкуренцию восточнославянских и южнославянских по происхождению альтернантов перед общеславянскими и исконными суффиксами в русском языке.

6. Прошедшие через фонетический и морфонологический фильтры коррелятивные пары подверглись лексико-семантической дифференциации, при этом последствия были наиболее значительными для полногласных и неполногласных лексем, где практически не было фонетических запретов или позиционной избирательности определённых по происхождению рефлексов, и в меньшей степени затронули другие группы вследствие их достаточно чёткого распределения по позиционным основаниям.

7. Различия между системными глагольными образованиями, представляющими полную парадигму морфонологических чередований, с одной стороны, и группой полногласных/неполногласных лексем, группой «отдельных слов» – с другой, были обусловлены спецификой действия механизмов их адаптации и корреляции. В связи с этим к данным группам нельзя подходить с равными критериями и переносить отношения, сложившиеся в одной группе, на другую, а тем более иллюстрировать положения концепций и гипотез природы русского литературного языка отдельными «кочующими» стандартными парами, вырванными из сложнейшей гетерогенной системы.

8. Важнейшей составляющей судьбы гетерогенных элементов является механизм их отбора и взаимодействия в тексте, что отразилось на становлении норм литературного языка. Наиболее ярким подтверждением данного положения является быстрая кодификация ЖД<*dj в церковных текстах с середины XVII в., которая стала причиной разрушения сложившегося смешанного типа чередования.

9. Механизмы вхождения и закрепления генетически соотносительных элементов по-разному реализуются в зависимости от реципиентных особенностей языка как системы и его страт.

10. Система диалекта, представляющая определённую степень гетерогенности, в ряде случаев на уровне слова более разнообразную, чем в литературном языке, и высокий уровень гетерогенности фольклорного текста дают основание различать процессы трансплантации и ауто трансплантации.

11. В целом судьба гетерогенных рефлексов определялась действием механизмов трансплантации и ауто трансплантации, имеющих разные результаты в системах разных языков, их подсистем и страт. В истории русского языка это способствовало не только обогащению его ресурсов, но и органичному внедрению наиболее жизнеспособных элементов в результате конкуренции и «заполнения лакун» по законам приемлющего языка.

Апробация исследования. Основные положения работы опубликованы в 7 статьях в изданиях, включённых в перечень научных изданий, реко-

мендованных ВАКом, в монографии, двух учебных пособиях и 92 статьях и тезисах, которые были представлены в виде докладов и сообщений на конференциях, совещаниях и конгрессах разного ранга:

– **международных** («Проблемы истории индоевропейских языков», Тверь, 1991; «Потебня – исследователь славянских взаимодействий», Харьков, 1991; «Творчество детей и про детей в отечественной и зарубежной литературе», Одесса, 1991; «Русский фольклор», Тамбов, 1991; «К 190-летию со дня рождения В.И. Даля», Луганск, 1991; совещание Института русского языка АН СССР «Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции», Ужгород, 1991; «Проблемы русской морфемики», Орехово-Зуево, 1995; «Грамматические категории и единицы. Синтагматический аспект», Владимир, 1995, 1997; 1999, 2007; «Язык. Система. Личность», Екатеринбург, 1996, 1999, 2000, 2005, 2006; 2008; «Европа будущего», Оренбург–Ансбах (Германия), 1996, Оренбург–Кемниц–Ансбах (Германия), 1997; «Проблемы славянской филологии», Самара, 1996; «Семантика языковых единиц», Москва, 1999; «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании», Санкт-Петербург, 2001; «V Житниковские чтения. Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте», Челябинск, 2001; «Владимир Иванович Даль и современные филологические исследования», Киев, 2002; X Конгресс МАПРЯЛ, Санкт-Петербург, 2003; II и III международный конгресс исследователей русского языка, Москва, 2004, 2007; международная научно-практическая конференция, посвящённая 90-летию со дня рождения проф. Л.И. Баранниковой, Саратов, 2005; «Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества», Оренбург, 2007) и др.;

– **всероссийских** («Слово в системных отношениях на разных уровнях языка», Свердловск, 1990, Екатеринбург, 1993; всероссийская научная конференция работников образования, Москва, 1993. «Принципы функционального описания языка», Екатеринбург, 1994; всероссийская научная конференция Института русского языка АН РФ «Закономерности эволюции словообразовательной системы русского языка», Москва–Оренбург, 1994; «Христианство и ислам на рубеже веков», Оренбург, 1998 и др.);

– **региональных** («Совершенствование качества подготовки учителей гуманитарных дисциплин», Уфа, 1991; «Исторические изменения в языковой системе как результат функционирования единиц языка», Москва–Калининград, 1992; «Русская нация и русская идея: история и современность», Оренбург, 1996; «Филологический класс»: Наука – ВУЗ – школа», Екатеринбург, 1999 и др.).

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии, списка источников и сокращений.

Основное содержание работы

Во **введении** определяются основные цели и задачи, объект и предмет, основные источники и методы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость проведённого исследования, выдвигаются основные положения, выносимые на защиту, сообщаются сведения об апробации полученных результатов.

В **I главе «Проблемы генетической природы русского литературного языка»** рассматриваются языковая ситуация Киевской Руси, вопросы образования и развития восточнославянского литературного языка (1.1), гипотезы происхождения русского литературного языка (1.2).

Сложность языковой ситуации в древней Руси обуславливала тот повышенный интерес и горячие споры учёных XIX и особенно XX веков о языковой основе и природе русского литературного языка, которые нередко при-

водили к диаметрально противоположным результатам. И если в высказываниях отдельных исследователей спор приобретал некоторую политическую окраску, то для большинства лингвистов проблема имела собственно лингвистический характер и была весьма существенна для выявления специфики русского литературного языка и законов его развития. Весь цвет русской лингвистики начиная с М.В. Ломоносова считал своим долгом высказаться по поводу существования и взаимодействия в истории русского литературного языка двух языковых начал. Классические труды Ф.И. Буслаева, И.И. Срезневского, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Шахматова, А.И. Соболевского, Н.С. Трубецкого и др. подготовили почву для решения вопроса о происхождении русского литературного языка и создания концепций языковой ситуации В.В. Виноградова, С.П. Обнорского, Л.П. Якубинского, Б.Н. Ларина, Г.О. Винокура, Ф.П. Филина, А.И. Горшкова, В.В. Колесова, Б.А. Успенского и др. При этом выстраивание модели сложнейшей истории русского литературного языка сопряжено с целым рядом трудностей, а её достоверность может подтверждаться диаметрально противоположными аргументами. Опираясь на свой филологический опыт, лингвистические предпочтения, языковое чутьё и интуицию исследователя, выдающиеся лингвисты признаются, что «объять всю эту картину почти невозможно и поневоле приходится ограничиваться только рассмотрением отдельных её частей» [Трубецкой 1990: 123], намечен лишь «очень приблизительный и, быть может, не всегда достаточно четкий и точный чертёж» «путей и дорог движения древнерусского литературного языка» [Виноградов 1987д: 151], «сам материал очень трудно поддаётся изложению: многоликий, разносторонний, он не укладывается в линейную последовательность слов и предложений», «средств объёмного его представления пока нет» [Колесов 1989: 4], «сложная, многофигурная композиция далека от завершения», а её «общий контур намечен неясно, зыбко, расплывчато» [Горшков 1983: 159].

Неуловимость сложной картины языкового развития в сплетении двух культурно и функционально различных начал, при рассмотрении которой возможно видение противоречивых эффектов, особенно в полемическом задоре или при желании высветить определённый аспект, лишь подтверждает мысль Н.С. Трубецкого о том, что «русский литературный язык в отношении использования преемства древней литературно-языковой традиции стоит, по видимому, действительно особняком среди литературных языков мира» [Трубецкой 1990: 126].

В целом независимо от того, что вкладывается разными исследователями в понятие древнерусский литературный язык – церковнославянский язык, или исконный язык, или разные типы смешения двух генетически родственных языковых стихий, – следует признать, что речь идёт об особом литературном языке, где важной должна стать проблема взаимоотношений исконной и церковнославянской стихий, в процессе многовекового взаимодействия в системе русского литературного языка слившихся в единое гармоническое целое.

II глава «Генетически соотносительные рефлексы праславянских сочетаний как диагностирующий признак» посвящена истории изучения восточнославянских и южнославянских соответствий в русском языке (2.1) и проблеме статуса, взаимодействия и отбора генетически неоднородных рефлексов праславянских сочетаний в истории русского языка (2.2).

Интерес к достоверным элементам восточнославянского и южнославянского языков в судьбах русского литературного языка проявился достаточно рано.

В целом правильно понятая генетическая соотнесённость «славенских» и «росских» форм в «Лексиконе» Памвы Берынды (Киев 1627) и грамматике Мелетия Смотрицкого (Евье 1619, Москва 1648) научно обосновывается и уточняется в трудах М.В. Ломоносова, А.А. Барсова, А.Х. Востокова, М.А. Максимовича, П.А. Лавровского, Ф.И. Буслаева, А.А. Потемнина и др. В трудах И.И. Срезневского, М.А. Колосова, И.В. Ягича, А.С. Будиловича, С.К. Булича, А.И. Соболевского, Н.Н. Дурново и др. наиболее дискуссионным становится вопрос о механизмах расхождения реализации рефлекса *dj в славянских языках.

Необходимость изучения элементов двух близкородственных языковых систем остро встала в XX в. в связи с обсуждением проблемы происхождения русского литературного языка. Особую значимость в этот период получают выделенные А.А. Шахматовым 12 «категорий бесспорных церковнославянских элементов» в современном русском литературном языке. Классификации А.А. Шахматова, Л.П. Якубинского, Г.О. Винокура определили основную линию дальнейших исследований генетически соотносительных элементов, особенно полногласных и неполногласных коррелятов, в системе русского литературного языка. При изучении памятников древнерусской письменности исследователи традиционно фиксируют особенности реализации диагностирующих рефлексов, сведения об их наличии используются для доказательств принадлежности памятника тому или иному типу литературного языка, определения времени и места его написания, выявления особенностей списков и протографа, направлений редакторской правки, а также в целом выяснения особенностей развития литературного языка и под.

Анализ работ, в той или иной степени затрагивающих особенности реализации генетически неоднородных элементов, позволяет выделить ряд спорных и невыясненных моментов, выявить «белые пятна» и противоречия в судьбе генетически соотносительных элементов в истории русского языка и современном его состоянии. В частности, недостаточно изучено «поведение» отдельных групп выделенных диагностирующих признаков и основных закономерностей их распределения внутри указанных групп. Различная количественная наполняемость групп с теми или иными рефлексами, разная степень параллельности соотношения, неодинаковая фиксация в памятниках и даже в отдельных его частях, практическое отсутствие древнерусских рукописей, выдержанных в одном генетическом ключе требует уточнения критериев отбора генетически соотносительных элементов. Не только древнерусские рукописи – как церковнославянского, так и русского языков – содержат

различные «наборы» гетерогенных элементов, но и отдельные группы праславянских рефлексов по-разному реализуют свои гетерогенные возможности, что было отмечено практически во всех ставших классическими работах по данной проблеме. Однако вопреки этому чаще всего встречается недифференцированный подход к изучению рефлексов на русской почве, когда для исследователя они выступают как нечто монолитное, а генетическая соотносительность мыслится как абсолютно симметричная. Такой «идеальный», но весьма упрощённый и далёкий от реальности взгляд на специфику взаимодействия двух языковых стихий достаточно распространён и затрудняет выявление действительных причин отбора генетически неоднородных рефлексов, тем более, что приоритетными в этой области стали популярные в научных исследованиях неполногласные и полногласные сочетания, несомненно обладающие своим определённым реестром критериев, которые, как правило, не срабатывают в других группах.

Необходимым представляется также перенос акцентов с установившейся традиции констатации количественного соотношения генетически неоднородных элементов в памятниках письменности на взаимосвязи в пределах текста, рукописи, списков и редакций, а также на уровне функциональной парадигмы языка.

Инерция семантико-стилистического критерия как основного, а в ряде случаев единственного, затрудняет выявление других, нередко более важных и определяющих факторов отбора рефлексов восточнославянского и южнославянского происхождения. В частности, до сих пор не решён вопрос о времени усвоения и закрепления рефлекса южнославянского происхождения *dj в русском языке и его статусе на каждом этапе развития русского литературного языка, в том числе и в современном состоянии. В связи с этим следует выявить совокупность факторов, обусловивших взаимодействие гетерогенных элементов и их выбор в истории русского языка, и определить «эфемеризмы» и закономерности в отношениях диагностирующих признаков на разных этапах развития языка. В целом следует поставить вопрос о механизмах вхождения и закрепления генетически соотносительных элементов в системе русского языка, выявить специфику реализации праславянских рефлексов в русских диалектах и фольклоре.

Важным аспектом уточнения судьбы данных рефлексов следует признать особенности их функционирования в церковнославянских текстах, что в принципе облегчит решение проблемы их влияния на становление и эволюцию русского литературного языка, с одной стороны, и позволит определить реципиентные возможности обеих языковых стихий.

Определение статуса каждой из групп и отношений внутри них, принципов реализации, отбора и закрепления одного из арсенала генетических средств в отдельных памятниках, словоформах, стратах на протяжении длительной истории развития русского языка непосредственно связано с проблемой формирования и особенностями развития русского литературного языка, выявлением роли южнославянских и восточнославянских по происхождению элементов в становлении его системы. Тем более, что в этом слу-

чае до крайности обостряются противоречия в осмыслении сложных отношений рефлексов праславянских сочетаний, так как они становятся средством построения различных гипотез происхождения русского литературного языка, доказательством – нередко единственным – его генетической основы и диагностирующим признаком отнесения памятника не только к определённому типу литературного языка, но и лишения его статуса литературности. В свете проблем происхождения русского литературного языка и определения его языковой природы диагностирующий эффект того или иного элемента может приводить даже к сомнениям в его генетической приуроченности, как это, например, случилось с неполногласием и рефлексом $ж < *dj$.

Отмеченные спорные и нерешённые положения, касающиеся генетически соотносительных рефлексов в истории русского языка и современного его состояния, требуют детального рассмотрения процессов реализации, функционирования и эволюции генетически неоднородных элементов в функциональной парадигме русского языка, тех механизмов взаимодействия, отбора и закрепления, которые, как описывают исследователи, привели к «органическому слиянию», «сопряжению», «сплаву», «симбиозу», «двумерности», «скрещению», «трансплантации» и т. д.

В III главе «Закономерности реализации генетически соотносительных праславянских рефлексов в русском литературном языке» в результате комплексного подхода к выяснению причин использования одного из имеющихся в арсенале древнерусского языка гетерогенных средств, а в дальнейшем и жёсткой его фиксации в определённой словоформе выявлены значительные различия в судьбе исследуемых групп рефлексов праславянских сочетаний и определены факторы их вхождения в систему русского литературного языка.

Рассмотрение механизмов действия фонетического фактора в судьбе праславянских рефлексов (3.1) показывает его определяющую роль в соотношении реализации генетически неоднородных рефлексов, особенно на начальном этапе их столкновения, и способности южнославянского элемента занять в дальнейшем соответствующую языковую «нишу» в нетрадиционных текстах и системе чужого языка. В силу специфики прохождения через фонетический фильтр восточнославянского языка различные группы южнославянских рефлексов имеют неодинаковый потенциал реализации на русской почве, а следовательно, и соотношение со своими восточнославянскими эквивалентами. Данное обстоятельство касается и церковнославянского языка, который начинает в определённой степени отличаться от старославянского языка в результате «впитывания» восточнославянских элементов, среди которых наиболее характерным становится $ж < *dj$.

Те южнославянские рефлексы, которым не препятствовали фонетические особенности языка-реципиента, получают возможность дальнейшей адаптации и сосуществования со своими генетическими соответствиями, становясь во многом диагностирующими признаками разных языковых стихий. Это прежде всего касается сочетаний -pa-, -la-, ph-, -lh-, начальных

е-, ю-, беспрепятственно оставшихся в системе церковнославянского языка и без осложнений вошедших в систему восточнославянского языка. В других случаях действие фонетического фильтра оказывало значительное влияние на проникновение южнославянских рефлексов. Для южнославянских рефлексов *tj, *dj вхождение в систему древнерусского языка осложнялось отсутствием соответствующих согласных. Вследствие этого невозможной оказывается исходная эквиполентность, так как адаптация южнославянских рефлексов и появление соответствующего «звукового представления» происходит у данных рефлексов с различной скоростью и разными результатами.

В результате ранней фонетической ассимиляции южнославянского по происхождению рефлекса *tj чередование /т'–щ/ закрепилось в абсолютном большинстве генетических старославянизмов и лексем, активизировавшихся под влиянием старославянского языка, которые были распространены в памятниках древнерусской письменности, особенно в произведениях, отражающих христианское мировоззрение и связанные с ним представления. Восточнославянский по происхождению тип альтернации /т'–ч/ реализовался в текстах, ориентированных на конкретные бытовые реалии жизни древнерусского человека. Таким образом, статус генетически неоднородных рефлексов *tj, входящих в состав разных типов чередований, определялся прежде всего особенностями содержания средневековой литературы, в которой преобладали произведения религиозно-философской тематики, что в конечном итоге и определило преимущественное использование в памятниках письменности южнославянского по происхождению /щ/.

Чёткое распределение сфер употребления лексем с соотносительными рефлексами *tj способствовало сохранению генетической чистоты соответствующих альтернаций. Вследствие этого ошибочным является распространённое в научной и учебной литературе мнение о том, что щ систематически и последовательно употребляется вместо ч. И если рефлексы *tj, *kt, *gt достаточно быстро ассимилируются на русской почве, благодаря чему в целом сохраняют свои исходные инославянские параметры и даже (правда, весьма ограниченные) возможности мены генетически неоднородных элементов преимущественно в группе «отдельных слов», то южнославянский рефлекс *dj настолько серьёзно сдерживается фонетическим фактором, что в древнерусских рукописях, в том числе и церковнославянских текстах, заменяется восточнославянским эквивалентом.

Являясь слабым звеном в системе адаптационных процессов, южнославянский рефлекс *dj становится одним из членов генетически смешанного типа чередования, выбор которых определялся в том числе и складывающимися орфографическими традициями – с соблюдением ЖД или заменой его на ж. Вслед за И.А. Бодуэном де Куртенэ, С.К.Буличем, Н.Н. Дурново и П.Д. Филковой следует признать, что за последовательной фиксацией ЖД в ряде памятников скорее всего стоит специфический звуковой комплекс. Однако его статус неконкурентоспособного члена смешанной альтернации не мог

привести к чёткому размежеванию генетически неоднородных элементов, как это наблюдается с рефлексами *tj.

Такая неравнозначность изначальной судьбы различных групп рефлексов соответствующим образом отразилась и в особенностях их функционирования. В частности, существует ряд лексем, где достаточно часто допускается мена соотносительных диагностирующих признаков. Небольшой круг таких коррелятов хорошо известен, является хрестоматийным и, к сожалению, практически всегда сопровождает любые рассуждения о южнославянской и восточнославянской стихии в составе или русского литературного языка или отдельного памятника. Наличие слов типа городъ – градъ, хочу – хошчу, ночь – ношчь, вожь – вождь на фоне достаточно чёткого закрепления генетически соотносительных элементов свидетельствует о том, что после срабатывания фонетического фактора здесь не наблюдается действия каких-либо запретов на использование гетерогенных рефлексов. Иными словами, фонетический фактор является важным, во многом определившим судьбу различных групп праславянских рефлексов на русской почве, но отнюдь не единственным условием их отбора и закрепления.

Выявленные закономерности прохождения фонетического фильтра южнославянскими рефлексами и причины их неравнозначной соотносённости являются иллюстрацией известного положения В. Гумбольдта о том, что «звуковая форма составляет конституирующий и ведущий принцип различия языков как сама по себе, так и в качестве стимулирующей и препятствующей силы, противопоставляющей себя внутренней тенденции языка» [Гумбольдт 1960: 78]. Именно фонетический фактор обусловил различия в судьбе полногласных/неполногласных сочетаний, начальных ро-/ра-, ло-/ла-, о-/е-, у-/ю-, с одной стороны, и рефлексами *tj и *dj, между которыми также определились серьёзные расхождения.

Однако рефлексy реализуются во вполне конкретной лексеме, морфологический облик которой также должен быть подвергнут определённой адаптации, в результате чего начинает действовать морфонологический фактор в процессах взаимодействия и отбора гетерогенных рефлексов (3.2), так как «альтернируют между собой целые морфемы и их соединения» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 273]. В связи с этим различное положение рефлексов в составе слова – в начале слова, внутри и на конце корня – даёт основание предполагать, что действие морфологического фактора, так же как фонетического, будет неадекватным для разных групп праславянских рефлексов.

Морфонологическая позиция рефлексов в слове демонстрирует достаточно чёткое размежевание по двум основным группам в зависимости от действия морфонологического критерия. В первую группу входят рефлексy, южнославянские соответствия которых достаточно безболезненно прошли фонетический фильтр, в результате чего практически сразу начинают устанавливаться определённые взаимоотношения гетерогенных элементов. Для начальных ро-/ра-, ло-/ла-, о-/е-, у-/ю- условия на русской почве были абсолютно идентичными, не зависящими от сочетаний морфов, что влекло за

собой в определённой степени свободное варьирование генетически неоднородных элементов. Аналогично морфонологический фильтр преодолевали полногласные/неполногласные сочетания – наиболее значимые и показательные в этой группе рефлексy.

Сочетания *trat* и *torot* фиксируются в пределах одной морфемы, чаще всего внутри корня, что обеспечивало независимость реализации генетически соотносительных элементов от морфонологической позиции. Такая независимость употребления полногласных/неполногласных сочетаний определяла гомогенную огласовку всех родственных образований. К данной группе при­мыкают выделенные А.А. Шахматовым «отдельные слова» с рефлексами *tj, *gt, *kt, *dj именно в силу своей «отдельности», проявляющейся в отсутствии широкого сочетания с разнообразными морфемами (в первую очередь суффиксами) и достаточно чёткой изолированности от родственных слов. Идентичность позиции – чаще всего перед окончаниями существительных или личной парадигмы глаголов типа хотѣти – позволяла без сдерживающих и запретительных позиционных факторов реализовать гетерогенные рефлексy в словах типа вожь – вождь, межа – межда, свѣча – свѣща, ночь – ношь, хочу – хощу и под.

Возникшая в результате свободного прохождения морфологического фильтра генетическая неоднородность корневого морфа как в группе начальных рефлексов, полногласных и неполногласных сочетаний, так и отчасти в группе «отдельных слов» в дальнейшем определяет его дифференциацию, потому что «корень, являясь самой значимой морфемой в слове, отличается наиболее богатой качественно и количественно вариацией, притом вариация эта будет, так сказать, самая осмысленная, то есть соответствие внешних разниц разницам внутренним в корне будет гораздо больше, нежели в других морфологических единицах» [Крушевский 1883: 84]. Чаще всего именно генетическое различие корня влечёт «формирование семантической корреляции (на метонимической, а потом метафорической основе) и после всего чисто стилистическую дифференциацию оставшихся неиспользованными форм» [Колесов 1989: 268].

Для взаимосвязанных системных образований подобное становится возможным только после прохождения своеобразного позиционного фильтра, определяющего возможность/невозможность реализации соответствующего по происхождению рефлекса перед следующим за корнем морфом. Зависимость от морфонологической позиции особенно актуальна для гетерогенных рефлексов *dj. Если достаточно быстрая адаптация южнославянского по происхождению рефлекса *tj способствовала размежеванию сфер функционирования генетически соотносительных элементов, то низкая степень фонетической освоенности южнославянского рефлекса *dj в ряде случаев повлекла его замену исконным эквивалентом даже в церковнославянских текстах. В результате этого возникло большое количество оппозитивов типа осуждати – осужати, что способствовало становлению смешанного типа чередования /Д'–Ж–ЖД/ наряду с исконной альтернативой /Д'–Ж/. Естественно, что сме-

шанный тип реализовался в образованиях, актуализировавшихся на русской почве благодаря текстам старославянского языка, тогда как аналогичные образования с рефлексом *tj закрепились в южнославянском оформлении.

Анализ основных различий в реализации морфонологического фактора в группах праславянских рефлексов (3.2.1) позволил выявить определяющие выбор генетически неоднородных рефлексов *tj и *dj позиции перед суффиксами имперфективов *-а-* и *-ива-* (3.2.2), отглагольных имен существительных (3.2.3) и окончанием *-у* глаголов 1 лица единственного числа настоящего (простого будущего) времени (3.2.4).

Активизация имперфективов с суффиксом *-ива-* явилась причиной коренной перестройки чередований с рефлексами *tj, dj, так как для восточнославянских по происхождению альтернантов открылась возможность реализоваться в новых позициях, где отсутствовала конкуренция с генетически соотносительными элементами. Распад корреляционных рядов имперфективов с суффиксами *-а-* и *-ива-* идёт, как правило, за счёт глаголов на *-ждать* и *-жать* в пользу наиболее адекватной альтернации модели на *-живать*. В меньшей степени это коснулось корреляций на *-чать/-чивать* из-за ранней генетической определённости типов чередований, в результате чего произошло достаточно чёткое разграничение имперфективов по генетической линии – *-щать/-чивать* с немногочисленными рано закрепившимися моделями на *-чать*. В результате таких нормализационных процессов в современном русском литературном языке альтернант /ж/ встречается в 3,9 раза чаще, а альтернант /ч/ в 9,7 раз чаще перед суффиксом *-ива-*, чем перед суффиксом *-а-*. Такое превалирование – почти в 2,5 раза – реализации /ж/ над /ч/ перед *-а-* обусловлено сложностью прохождения фонетического фильтра южнославянским рефлексом *dj, что не позволило ему достаточно чётко закрепиться перед общеславянским по происхождению суффиксом. Это отразилось и на соотношении генетически неоднородных рефлексов *tj, *dj перед данным суффиксом, где /щ/ используется в 3,4, а /жд/ только в 1,25 раза чаще, чем соответствующие исконные альтернанты. Значительные расхождения частотности /ж/ и /ч/ перед указанными суффиксами – одно из существенных доказательств не только различий традиционно рассматриваемых однотипно рефлексов *tj и dj, но и действия морфонологического фактора в их судьбе.

В свою очередь имперфективы на *-ива-* создавали обширную базу для образования отглагольных существительных на *-живание* и *-чивание* по русской морфонологической модели, что ещё больше усилило позиции исконных рефлексов *tj, dj в русском языке. Восточнославянская языковая стихия, до возникновения и активизации суффикса *-ива-* ограниченная рамками формо- и словообразовательных моделей общеславянского происхождения, имеющих на русской почве гетерогенное морфонологическое оформление, стала не только количественно, но и качественно преобладать над южнославянской.

Таким образом, параллельно процессам стабилизации видовой системы происходит упорядочение употребления генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний *tj и dj, их чёткое закрепление за соответст-

вующими по происхождению альтернативами, что повлекло за собой распад смешанного типа чередования [д'–ж–жд]. Южнославянские по происхождению альтернативы начинают вытесняться на периферию русского языка, так как в основной своей массе остаются в рамках старых имперфективов, а соответственно и других образуемых от них форм и слов – причастий и существительных, в то время как восточнославянские по происхождению альтернативы активно включаются в процессы образования новых слов.

Развитие исконных имперфективов с суффиксом *-ива-*, вступивших в достаточно серьёзную конкуренцию с общеславянской моделью, обусловило морфонологическое размежевание, при котором перед суффиксом *-а-* реализуются генетически неоднородные рефлексы **tj*, **dj*, а перед *-ива-* только восточнославянские по происхождению альтернативы. Это не только упрочило положение исконных рефлексов в глагольных формах, но и оказало значительное влияние на специфику образования отглагольных существительных. Если существительные на *-ение* в восточнославянской огласовке вытеснялись в процессе эволюции словообразовательной и морфонологической систем русского литературного языка, то для южнославянского по происхождению альтернативы модель с суффиксом *-ени[j]-* была и оставалась единственно возможной, например: *учреждение*, *восхождение*, *обращение*, *просвещение* и др. В связи с этим показательное соотношение отглагольных существительных с генетически неоднородными рефлексам **tj*, **dj*: существительных на *-ждение* в 4,7 раза больше, чем на *-жение*, а существительных на *-щение* в 2,7 раза больше, чем на *-чение*.

Количественная разница между морфонологическим обликом существительных с рефлексам **tj* и **dj* перед суффиксом *-ени[j]-* коренится в особенностях их адаптации на русской почве. Генетически неоднородные рефлекс **tj* уже на раннем этапе своего сосуществования закреплялись за определёнными корнями, образования от которых характеризовались идентичностью альтернатив, и в дальнейшем количественное соотношение /ч/ и /щ/ определялось наличием новообразований. Это также подтверждается тем, что преобладание альтернативы /щ/ над /ч/ перед суффиксом *-а-* (в 3,4 раза) в основном соответствует его преобладанию перед суффиксом *-ени[j]-* (в 2,7 раза).

Гетерогенные рефлекс **dj*, входящие в состав смешанного типа чередования, характеризовались не позиционной прикреплённостью, как это достаточно рано произошло с рефлексам **tj*, а позиционной предпочтительностью, причём для южнославянского по происхождению рефлекса типичной была и, как показывают современные данные, осталась позиция перед суффиксом *-ени[j]-*. Поэтому так существенна разница в преобладании /жд/ над /ж/ перед суффиксом *-а-* (в 1,25 раза) и суффиксом *-ени[j]-* (в 4,7 раза).

Основным направлением в развитии исследуемой системы является формо- и словообразовательная специализация типов чередования и распад вариантов типа *запружать* – *запруживать*, *налажение* – *налаживание* в пользу продуктивных образований с суффиксами *-ива-*. В образовании существительных очевидна следующая закономерность: большинство альтернан-

тов восточнославянского происхождения /ч/ и /ж/ (соответственно 72,4% и 72,48%) наблюдается в именах существительных на *-ние* от имперфективов с суффиксом *-ива-*. Если учесть, что данная модель является чрезвычайно продуктивной (практически любой глагол с суффиксом *-ива-* может образовывать соответствующее существительное), а также тот факт, что глаголов типа *запруживать* в 3,9 раз больше, чем глаголов типа *проводить*, а глаголов типа *завинчивать* в 9,7 раза больше, чем глаголов типа *ворочаться*, при этом их количество постоянно растёт за счёт новообразований, то можно с полным правом говорить о больших потенциальных возможностях данной словообразовательной модели, реализация которых, несомненно, способствует дальнейшему укреплению исконных типов чередований.

Значительно реже альтернанты [ч] и [ж] встречаются перед суффиксом *-ени[j]*-. Обычно это характерно для бесприставочных глаголов, от которых, как правило, невозможно образование существительного через ступень исконно русского имперфектива, ср.: *свечение* – *засвечивание, высвечивание; молочение* – *вымолачивание, перемолачивание; глажение* – *наглаживание, заглаживание, ужение* – *выуживание, лужение* – *вылуживание* и под.

Следует также отметить особенности семантики отглагольных существительных на *-щение, -ждение*. В частности, у них нередко разорвана лексическая связь с глаголами, в результате чего они не обозначают действие по значению глагола (как это имеет место в существительных, образованных по исконно русской словообразовательной модели), а имеют самостоятельное лексическое значение, например: *похождение* (устар.) – 1. Путешествие, странствие. 2. Приключение, происшествие; *обхождение* – 1. Обращение. 2. Общение, взаимное отношение; *наваждение* – то, что внушено «злой силой» с целью соблазнить, увлечь кого-нибудь. При этом у данных существительных достаточно ярко прослеживается историческая связь с причастиями: *возбуждённый* – *возбуждение, просвещённый* – *просвещение* и под.

Однако именно подобные существительные в учебной и научной литературе иллюстрируют пересечение гетерогенных рефлексов *dj. Чаще всего в этой роли выступают существительные типа *хождение* (ср.: *хаживать, хоженный, хожу*), которые являются исключением из общего правила – генетически однородного оформления всех однокоренных образований в современном русском литературном языке (кроме форм 1 л. ед. ч.). Наличие таких существительных подтверждает действие в истории русского языка тенденции к преимущественной реализации /жд/ перед суффиксом *-ени[j]*- и объясняется прежде всего особенностями мотивирующей основы, так как в отличие от большинства современных глаголов X, 1 класса глаголы движения с корнем *-ход-* не образуют префиксальных видовых пар и объединяются в пары слов с разными корнями, например: *заходить* – *зайти, входить* – *войти* и т. п.

Если количественное соотношение генетически неоднородных рефлексов в отглагольных существительных общеславянской модели значительно отличается для *tj и *dj – /щ/ встречается в 1,7 раз чаще, чем /жд/, – что свидетельствует об изначальном отставании южнославянского рефлекса *dj, то образование существительных от имперфективов с суффиксом *-ива-* одно-

значно свидетельствует об общих тенденциях в укреплении восточнославянских по происхождению альтернантов: русская модель отглагольного существительного и для *tj, и для *dj используется в 2,6 раза чаще, чем общеславянская.

Таким образом, при сохранении в словообразовательной системе русского литературного языка обеих генетически неоднородных морфонологических моделей образования существительных с суффиксом *-ени[j]*- в процессе эволюции постепенно ограничивается их продуктивность и отдаётся предпочтение возникшему на русской почве словообразовательному типу, по которому образуются многочисленные отглагольные существительные, в том числе и от позднейших заимствований. Такая морфонологическая модель, где употребляются исключительно восточнославянские по происхождению рефлексy, раскрыла потенциальные возможности русского языка и значительно укрепила позиции исконных альтернантов при одновременном ограничении возможностей южнославянских по происхождению эквивалентов.

Всё это является ещё одним достаточно убедительным аргументом в пользу непрерывности развития и исконной основы русского литературного языка, в систему которого вбираются и в ней в определённой степени сохраняются элементы других языковых систем, но развитие идёт по его собственным законам. Об этом также свидетельствует феномен отсутствия в соответствии с реализуемой альтернативой в форме 1 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени южнославянского по происхождению рефлекса *dj.

Данная форма в глагольной парадигме занимает особое место, о чём свидетельствует, в частности, преимущественное использование форм настоящего времени в разговорной речи (далее – РР). Учитывая, что предложения в РР «кишат местоимениями» (В. Матезиус), и прежде всего 1 лица ед. ч., так как РР свойственна субъективность и эгоцентризм, можно утверждать, что в РР превалируют формы 1 л. ед. ч. глаголов настоящего времени над формами прошедшего времени в других стилях. Естественно, что эти различия коренятся в самой сути устной и письменной формы реализации языка, в типе познания, в особенностях функций языка, в специфике диалога и монолога. В этой связи функционирование форм 1 л. ед. ч. настоящего времени в современном русском языке во многом тождественно его реализации в истории русского языка. Формы прошедшего времени широко представлены во всех памятниках древнерусской письменности, так как они удовлетворяли коммуникативным потребностям повествования (рассказа, описания, рассуждения): аорист и перфект как наиболее типичные формы монолога, а перфект как форма преимущественно диалогической речи и «вместе с тем абсолютно преобладающая форма в старейших деловых и бытовых текстах» [Горшкова, Хабургаев 1981: 307]. Такое положение прошедшего времени в памятниках древнерусской письменности создавало своеобразную «ауру» текста. По мнению В.В. Виноградова, «грамматическая сфера прошедшего времени наиболее глубоко и резко очерчена в русском языке. Это – сильная грамматическая категория» [Виноградов 1947: 543].

На фоне такого «подчёркнутого противопоставления форм прошедшего времени и форм настоящего времени» [там же] наблюдается антитеза форм 1-го и 2-го лица и формы 3-го лица. По мнению А.А. Шахматова, с которым целиком согласен В.В. Виноградов, «глагольные формы 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа настоящего времени, непосредственно «означая сочетание субъекта с предикатом, субстанции с признаками» (так как указание на лицо, на производителя действия включено уже в их морфологическую структуру), являются формами, всегда господствующими в речи. Между тем в литературном языке (выделено нами. – Е.Б.) только в зависимой форме употребляется 3-е лицо» (цит. по: [Виноградов 1947: 457]). Этим объясняется сравнительно редкая в сопоставлении с другими исследуемыми образованиями фиксация форм 1 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени в памятниках древнерусской письменности, – судя по нашим материалам, менее 5%.

Данное обстоятельство в соединении со сложной судьбой южнославянского по происхождению рефлекса *dj, в течение многих веков функционировавшего в составе генетически смешанного типа чередования, привело к закреплению в 1 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени восточнославянского по происхождению альтернанта в русском языке и его преимущественному употреблению вплоть до XVIII в церковнославянских текстах. Следствия оказались настолько значительными, что в современной науке существует несколько способов представления морфонологического чередования, где слабым звеном в цепи образований с продуктивным альтернантом /жд/ является форма 1 лица ед. ч. Е.А. Земская выделяет чередования {д(д')/ж/жд} [Земская 1973: 91, 89]; В.В. Лопатин рассматривает чередование [д'–ж] параллельно генетическому соответствию [д'–жд] [Лопатин 1977: 102, 194]; С.М. Толстая считает [жд] лексическим вариантом [ж] [Толстая 1975: 100]; Н.Е. Ильина выделяет лишь альтернацию [д'–ж], не рассматривая альтернант [жд] вообще [Ильина 1980: 31–34, 64–71]; Л.Л.Касаткин считает, что морфемем {д} представляет ряд фонем {/д/–/д'/(–/ж/–/жд'/)} [Касаткин 2003: 116]; в «Русской грамматике», изданной в Праге, наряду с чередованиями [t,]/ [č] и [d,]/ [ž] выделяются «более или менее определённо отмеченные чередования <t,>: [t,]/[šč], <d,>: [d,]/ [žd] ... ср.: *посвятить/посвящу, побудить/побуждённый* (но *разбудить/разбужу, разбуженный*)» [Рус. гр.1979: 116]; в Гр. 80 г. имеются альтернационные ряды [д'–ж] и [д'–ж–шд'] для глаголов типа *будить* (*воз-, по- про-*), *вредить* (*по-*) и др. [Гр. 80: 675–77].

Разные точки зрения на альтернации с рефлексами *dj – ещё одно подтверждение того, что «чередования [t/š] и [d/žd] в русском языке являются аномальными чередованиями зубных» [Трубецкой 1987: 128]. Однако если чередования с рефлексами *tj большинство исследователей рассматривают в виде генетически соотносительных рядов /т'–ч/ и /т'–щ/, то для чередований с рефлексами *dj подобная гомогенность невозможна из-за особенностей альтернации в 1 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени. В этом отношении действительно «замечательно, что в 1-м л. наст. неизвестно *-жду*» [Шахматов 1941: 76]. Следует, однако, отметить, что замена эта произошла

рано и в русском, и в церковнославянском языке (русской редакции), изначально продуктивным в форме 1 л. ед. ч. был альтернант восточнославянского происхождения, и даже намеренная кодификация в грамматиках XVIII в. альтернанта /жд/ в русле процессов аналогического выравнивания не способствовала его закреплению, в результате чего в русском языке так и не сформировался генетически однородный тип чередования с южнославянским по происхождению рефлексом *dj.

Рассмотрение условий и особенностей формо- и словообразования лексем с рефлексами *tj и *dj даёт основание представить их в современном русском литературном языке различно: генетически «чистым» по происхождению типам чередования /т'–ч/ и /т'–щ/ соответствуют гомогенное /д'–ж/ и гетерогенное /д'–жд–(ж)/, в которое альтернант /ж/ включается только на основании одной позиции перед окончанием -у 1 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени. Именно из-за феномена данной формы, несмотря на случаи употребления логически оправданных, но исторически не состоявшихся форм на -жду, для альтернатив с рефлексами *dj не произошло восстановления их генетической чистоты, которая наблюдается в чередованиях с рефлексами *tj. Всё это свидетельствует о том, что чередования с рефлексами *dj являются особым звеном, которое не подчиняется общим закономерностям морфонологической системы современного русского языка и характеризуется особыми, исторически сложившимися отношениями.

Прохождение фонетического и морфологического «фильтра» сопровождалось влиянием семантического фактора на соотношение и отбор южнославянских и восточнославянских по происхождению рефлексов (3.3), так как в процесс альтернатив включаются не только звуки, морфемы и их сочетания, но и происходит «смысловая альтернатива целых слов» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 273]. При этом основные закономерности лексико-семантической дифференциации слов с генетически соотносительными рефлексами различны для отдельных групп (3.3.1).

Прежде всего значимость действия семантического фактора по-разному отражается в судьбе двух крупных групп диагностирующих признаков – полногласных/неполногласных сочетаний, с одной стороны, и рефлексов *tj, *dj – с другой.

Реализация полногласия/неполногласия внутри корня, где в основном концентрируется семантическая и стилистическая маркированность слова, отсутствие фонетических запретов и позиционной избирательности определённых по происхождению рефлексов, независимость от следующих за корнем морфем способствовала сохранению и накоплению генетически соотносительных пар и их беспрепятственной семантической и стилистической дифференциации, которая в ряде случаев сохранилась до настоящего времени. Расподобление пар происходит по семантическим и стилистическим причинам, при этом линия разлома, как правило, идёт по противопоставлению значений «конкретное – отвлечённое», «прямое – переносное» или стилистической окраске «высокое – низкое», «высокое – нейтральное», которое становится ведущим после XVI в. В результате этого неполногласные формы

вписываются в общую закономерность существования заимствованных слов, имеющих «значение более широкое и отвлечённое, в сравнении с природными словами, имеющими значение конкретное и более узкое» [Булич 1893: 7]. Важно подчеркнуть, что этому способствовала невозможность употребления в памятниках церковнославянского языка полногласных сочетаний при незначительных вкраплениях восточнославянского рефлекса *tj и диаметрально противоположных тенденциях реализации рефлексов *dj: или с сохранением южнославянского ЖД, или с вытеснением его генетически соотносительным рефлексом. Таким образом, поддержка со стороны сакрального, образцового литературного языка определяла высокий статус слов с неполногласием в русском литературном языке, то есть их семантическую абстрактность, многозначность и стилистическую возвышенность, которая ощущается и сейчас, ср.: *превратности – перевороты, преградить – перегородить, требовать – терзать; брег – берег, глас – голос, древо – дерево* и др.

К этой группе примыкает подгруппа «отдельных слов» с рефлексами *dj, *tj, которая не имела полной парадигмы морфонологических чередований, характеризовалась немногочисленностью и высокой гетерогенностью в памятниках древнерусской письменности, что в совокупности с позиционной независимостью сближало их со словами типа *град/город*. Однако в данной группе наблюдается сходство и с реализацией рефлексов *tj, *dj в системных глагольных и отглагольных образованиях. Это проявляется не только в количественном преобладании (в 4 раза) пар с рефлексами *dj в связи с длительной адаптацией южнославянского альтернанта над соответствующими коррелятами с рефлексами *tj, но и их качественной представленности. Всё это требует особого рассмотрения феномена группы «отдельных слов» (3.3.2), явившегося причиной заблуждений многих исследователей, тем более недопустимых, что пары типа *нужда/нужа* – традиционный атрибут построений гипотез генетической природы русского литературного языка, а сохранность южнославянских по происхождению коррелятов в современном русском языке порождает миф о семантическом превосходстве южнославянских по происхождению рефлексов в истории русского языка.

Обстоятельное рассмотрение механизмов сосуществования и отбора определённых по происхождению коррелятов в данной группе показывает, что при равенстве значений или семантическом превосходстве исконного члена наблюдается более высокая словообразовательная активность корней с восточнославянским по происхождению рефлексом. Такого рода отношения характеризуют пары *надежда – надежа, нужда – нужда, одежда – одежа, вождь – вожь*, то есть около половины всех имевшихся в русском литературном языке соотносительных «отдельных слов». Нередко при функциональном, временном и в основном семантическом равенстве коррелятов исконный член мог также иметь более высокий семантический диапазон, ср.: *нужда – нужда* (15 значений против 13).

Группа «отдельных слов» ярко свидетельствует о внедрении южнославянских по происхождению рефлексов в уже имеющуюся систему и даль-

нейших процессах дифференциации сосуществующих пар, специализации их значений и словообразовательных потенций. Как правило, это приводит или к полной изоляции морфонологических коррелятов, или к их органическому сплаву с элементами семантического, стилистического или словообразовательного расхождения. При этом фоном всегда являются образования с исконным альтернантом, тогда как слова с южнославянским по происхождению рефлексом занимают соответствующую нишу вследствие необходимости выбора, который, как правило, является простой «рокировкой», сопровождающейся присвоением значений генетически соотносительного члена пары. В частности, семантически тождественная структура дублетов ВОЖДЬ – ВОЖЬ, сопровождающаяся высоким словообразовательным потенциалом исконно оформленной корневой морфемы, с XVII–XVIII в. усложняется и вступает в отношения с новыми близкочланными словами с исконным рефлексом, которые «перетянули» на себя значения, свойственные указанной паре. В результате в современном языке семантическое размежевание пошло по линии *вождь / вожак, вожатый*, то есть судьба пары сводилась не столько к утрате исконного члена, сколько к его замене и перераспределению семантических характеристик, при этом *вождь* попадает в разряд непроемных слов, большинство из которых представляет пассивную, периферийную лексику.

Кодификация определённого по происхождению рефлекса в данной группе протекала безболезненно, так как в большинстве своем не затрагивала целую цепь взаимосвязанных образований. Такая формо- и словообразовательная свобода, не допускающая позиционного «давления», как это наблюдается в образованиях с полной парадигмой морфонологических чередований, не препятствовала распаду указанных пар. При этом процессы «рокировки» или дифференциации, которые не сводятся к простому вытеснению южнославянскими оппозициями исконных слов, происходили в XVIII в., а не в период так называемого «второго южнославянского влияния».

По-иному действует механизм семантического и стилистического расщепления в группе слов с рефлексами *tj и *dj, так как в результате прохождения через «позиционный фильтр» количество оппозиций, нуждающихся в устранении или маркировке, было незначительно. Особенно малочисленными были морфонологические дублеты с рефлексами *tj, так как быстрая ассимиляция [ш' «т'»] обусловила позиционное размежевание гетерогенных альтернантов, формо- и словообразовательную дифференциацию соответствующих образований и генетическую чистоту оформления однокоренных образований. Чёткое размежевание типов чередования в свою очередь способствовало семантической и стилистической дифференциации лексем с гетерогенными рефлексами. Соотнесённость лексем в южнославянском облике с абстрактной семантической сферой и использование лексем с исконными альтернантами в текстах, отражающих конкретные бытовые реалии жизни восточных славян, определили статус гетерогенных рефлексов *tj в лексико-семантическом плане, в некоторой степени соответствующий положению лексем с полногласием/неполногласием. Однако имелись и существенные

различия, касающиеся прежде всего невозможности в абсолютном большинстве случаев употреблять Ч вместо Щ или, наоборот, Щ вместо Ч в образованиях с полной морфонологической парадигмой, где рефлекс был закреплён по всем её звеньям.

Более широкими возможностями в плане семантического и стилистического размежевания обладали лексемы с рефлексами *dj, входящими в состав смешанного типа, что давало возможность реализации генетически неоднородных альтернантов в тождественных условиях. Однако и в этом случае имелись существенные ограничения на появление эквиполентных оппозиций, достаточно жёстко сдерживаемых позицией реализации альтернантов, в результате чего ситуации «совместной встречаемости» морфонологических дублетов в пределах текста также были исключительны, и, следовательно, их семантическая и стилистическая дифференциация не была столь актуальной, как у корреляций с полногласием и неполногласием, что подтверждается многочисленными случаями недифференцированного употребления лексем с генетически неоднородными рефлексами *dj в тождественных контекстах. Семантический «зазор» между генетически соотносительными коррелятами был весьма невелик и их семантическая и стилистическая дифференциация в ряде случаев была представлена единичными случаями, что даёт основание относить их к «эфемеризмам» – намечавшимся, но не закрепившимся в русском языке тенденциям. Качественно новым этапом функционирования гетерогенных рефлексов *dj становится вторая половина XVII в., когда в результате распространения печатных богослужебных книг, отредактированных в соответствии с требованиями «славянского языка еллино-греческого» направления, закрепился в качестве литературной нормы южнославянский по происхождению рефлекс в образованиях от корней, реализующих в предшествующий период смешанный тип чередования. Практически полная тождественность оставшихся после позиционной дифференциации небольшого количества дублетов типа рассужати – рассуждати, заблужение – заблуждение способствовала безболезненному укреплению в них рефлекса ЖД, что не встретило сопротивления даже со стороны своеобразного языкового пуризма старообрядцев, так как для них гетерогенные Ж и ЖД были в одинаковой степени освящены употреблением в текстах Священного Писания.

Однако в целом гетерогенное размежевание слов с рефлексами *tj, dj, на формо- и словообразовательной оси единого словообразовательного гнезда влекло за собой и определённый семантический «флёр», осязаемый и в современном русском литературном языке, когда лексемы, реализующие генетически неоднородные типы чередований с рефлексами сопровождаются рядом характерных для них закономерностей, в том числе и в области лексических значений, что особенно показательно в гетерогенных корнях, когда «морфонологические изменения морфемы могут стать смыслоразличительными» [Поливанов 1928:13], ср.: *проглоченный* и *поглощённый*, *взмучивать* и

*возмущать, свячёный и священный; затверживать и утверждать, разбу-
женный и возбуждённый, досажать и досаждают* и др.

Процесс может развиваться и далее, потому что внешние различия, как правило, ведут к разрыву тождества слова, наглядно проявляющемуся в различиях лексических значений и, как следствие, – стилистической окраски, в образованиях от глаголов-омонимов типа *просвещать* и *просвечивать*, *насаждать* и *насажать* и под. В некоторых случаях однокоренные лексемы с гетерогенными рефлексами *tj, dj различаются лишь стилистической окраской, например: *священный* и *свячёный* (разг.) в значении ‘подвергнутый религиозному обряду освящения’; *рождать* и *рожать* (разг.) в значении ‘давать жизнь кому-либо, производить подобных себе’ и др. Как правило, данные морфонологические дублеты следует рассматривать как пережиток сложного процесса вхождения южнославянских по происхождению рефлексов в систему русского языка и вступления их в разнообразные взаимоотношения с исконными элементами, о чём свидетельствуют соответствующие стилистические пометы: (книжн., устар.) *насаждён – насажен*; (устар.) *насаждать – насаживать*; (устар.) *обсуживать – обсуждать*; (устар.) *провождать – провожать*. Некоторые из образований подобного типа уже не включаются в словари последних лет, например (устар. – БАС) *воспящать*. В связи с лексическим значением слова с исконными рефлексами могут иметь ограничения в сфере своего употребления, в результате чего в словарях современного русского литературного языка могут сопровождаться пометами *разговорное, просторечное, реже – областное*, например: (разг.) *просвечивать*, (прост.) *разжиженный*, (обл.) *напрокужу*, (прост.) *выряжать* и др. Большинство из таких слов – недавнее приобретение литературного языка, и былая «нелитературность», прежде всего в области семантики, определяет их функционирование и стилистическую окраску.

Приведённые различия на фоне нейтральной лексики с генетически неоднородными рефлексами обусловлены сохранением изначального покрова слов живого, направленного на развитие и приобретение нового исконного языка и сакральных, вечных, семантически неуловимых мистических текстов. Отсюда и следы некоторых расхождений: лексемам с южнославянскими по происхождению рефлексами может быть «присуще более абстрактное, более возвышенное, более литературное, более торжественное значение», а словам в восточнославянском оформлении «свойственно значение более конкретное, более простое» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 307], что поддерживается предпочтительностью их перед характерными для церковнославянского языка суффиксами (особенно перед *-ени[jj]-*), а также их широким употреблением в книжных текстах, нередко высокого религиозно-философского характера. Это определило общую семантико-стилистическую дифференциацию слов с гетерогенными рефлексами *tj, *dj, в целом присущую корреляциям с генетически неоднородными членами, один из которых унаследован из старославянского языка.

Иными словами, незначительная часть лексики была отягчена определённой «семантической памятью» и распределилась по разным полюсам. Од-

нако история морфонологических оппозигов, особенно с рефлексами *dj, свидетельствует о том, что основным направлением процесса была не их генетическая изоляция и сохранение в неприкосновенности разных генетических пластов, что в принципе и невозможно в развивающейся системе, а взаимопроращение, вплоть до наполнения внешнего южнославянского облика исконным содержанием. Вбирание разных значений, заполнение семантических лакун, приращение смыслов, бережное сохранение широкого спектра семантической структуры создавали избыточность, столь характерную для русского языка – языка, как верно определил А. Мартине, с «низкой парадигматической экономией» [Мартине 1968: 534].

Семантическое разграничение немногих морфонологических вариантов противоречило действию основных закономерностей реализации гетерогенных рефлексов – их формо- и словообразовательной специализации и гомогенного оформления всех образований от одного корня, которое в конце XVII–XVIII в. стало характерным и для лексем с рефлексами *dj благодаря распаду смешанного типа чередования в пользу южнославянского по происхождению, в результате чего произошло своеобразное восстановление альтернанта /жд/ в большинстве генетических церковнославянизмов, или лексем, активизировавшихся под влиянием старославянского языка. Это окончательно сделало невозможным варьирование альтернантов /щ/ и особенно /жд/ по лексическим и во многих случаях стилистическим причинам в образованиях, реализующих полную парадигму морфонологических чередований.

В целом семантическая история лексики с генетически неоднородными рефлексами *dj,*tj представляет собой сложные процессы противопоставления, внутреннего семантического взаимопроникновения и объединения двух генетических пластов в единый органический сплав.

В IV главе «Генетический фон текста» рассматривается специфика генетической организации древнерусского текста (4.1), соотношение восточнославянских и южнославянских по происхождению элементов в церковнославянских текстах (русской редакции) (4.2) и гетерогенность фольклорного текста (4.3).

Неработанность церковнославянского языка в научном плане в ряде случаев искажает представления об особенностях функционирования диагностирующих признаков в истории русского языка. В частности, необоснованно преувеличена доминирующая роль системы церковнославянского языка при взаимодействии морфонологических коррелятов, как, впрочем, и результаты этого влияния в системе современного литературного языка. Специфика реализации исследуемых рефлексов в памятниках Священного Писания определяется прежде всего тем, что церковнославянский язык – «не язык, а набор текстов» [Колесов, 1989: 263].

Анализ списков различной временной и территориальной принадлежности важнейших памятников церковнославянского языка – Евангелия, Минеи, Псалтири, Апостола – позволил выявить ряд закономерностей реализации диагностируемых признаков:

I. Для памятников церковнославянского языка характерно стремление к

гомогенности в реализации рефлексов праславянских сочетаний, например: ако рhша врази / мои мнh. и стрhгоуmги дш7ю мою / свhташа вкоупh. гл7ме (КП, 95); би нгнавид#m#> его побеж-доу ни приврождоу во истинh моги (П 1649, .кв.) и под. Текстам древнерусской письменности также свойственна гомогенность (в большей степени памятникам деловой письменности и книжно-славянского типа, в меньшей степени – текстам народно-литературного типа языка).

II. Генетическая гомогенность церковнославянских текстов во многом определяется реализацией рефлексов дифтонгических сочетаний с плавными и *tj в абсолютном большинстве случаев в южнославянском облики. Генетически соотносительные элементы исключительны и мотивируются, как правило, экстралингвистическими причинами. Рецепиентные свойства восточнославянских, а в дальнейшем и старорусских текстов, не обладающих традиционностью конфессиональных текстов, проявлялись в использовании практически всех соотносительных элементов. Будучи реализацией системы живых, способных к эволюции и адекватному отражению действительности языков, данные тексты отражали определённую степень гетерогенности. Разнообразие и высокая степень соотнесённости диагностирующих признаков в древнерусских текстах закономерно приводят к дифференциации гетерогенных элементов и выработке критериев их отбора и закрепления в русском языке. В частности, при большей или меньшей гетерогенности текста отчётливо проявляется тенденция к предпочтительности определённых по происхождению элементов или во всех группах, или в отдельных группах.

III. В исследованных памятниках церковнославянского языка прослеживаются различия в судьбе рефлексов, ярко представляющих старославянскую традицию, и рефлексов *dj, реализация которых во многом соответствует картине их функционирования в памятниках древнерусского языка.

1. Именно рефлексы *dj нарушают генетическую гармонию текста, например: вижь смиргние мое / и вижь врагы мо" . . . схраниши дш7ю мою . . . да не постыжю с> (КП, 32 об.); в нгй жг бhждние пробывани~ и молитве ко г7у ис77у х7у wтоутвржнии ихъ (А 1658, .с7н.) и под.

2. В текстах церковнославянской письменности смешанный тип альтернации был единственным способом реализации рефлексов *dj, в чём коренятся различия в условиях и результатах выбора генетически неоднородных членов в пределах гетерогенной альтернации в текстах Священного Писания и древнерусских памятников. В частности, в церковнославянских текстах на выбор альтернанта не влияет морфонологическая позиция, которая была актуальной в восточнославянском языке и стала определяющей в русском языке. Стабильность и традиционность конфессионального текста препятствовали семантической и стилистической дифференциации морфонологических коррелятов с рефлексами *dj, в определённой степени проявляющейся в древнерусских памятниках.

3. Однако наряду с данными различиями имеются и совпадения в реали-

зации генетически неоднородных альтернантов смешанного типа чередования для текстов церковнославянского и древнерусского языков. Прежде всего это касается тенденции к гомогенному оформлению рукописи, которая может быть представлена двумя диаметрально противоположными тенденциями – с сохранением южнославянских рефлексов (Остромирово Евангелие) и заменой их в абсолютном большинстве случаев восточнославянскими эквивалентами (Новгородские Минеи).

Чаще всего в пределах одного памятника церковнославянского и древнерусского языков генетически неоднородные альтернанты реализовались в образованиях от определенных корневых морфов (-РОД-, -ХОД-, -ВОД-, -СУД-, -БЛУД- и др.), сохранивших данную особенность в современном русском литературном языке. Ряд корней в текстах церковнославянского и древнерусского языков проявляют склонность к преимущественному употреблению определенного по происхождению рефлекса. Так, в церковнославянских текстах вплоть до XX в. образования с корнями -ТВЕРД-, -СТУД-, -СТЫД- были наиболее проницаемы для $ж < *dj$. Идентично оформляется в древнерусских и церковнославянских памятниках группа «отдельных слов», где употребление генетически неоднородных элементов не сдерживалось родственными словами, как это происходило в системных глагольных образованиях.

Анализ особенностей реализации рефлексов $*dj$ в памятниках церковнославянского и древнерусского языка периода так называемого «второго южнославянского влияния» показывает их соответствие тем закономерностям, которые сложились в предшествующий период. В частности, в сочинениях идеологов русской церкви абсолютное большинство образований фиксируется с восточнославянским по происхождению рефлексом $*dj$ (73%), а гетерогенность прослеживается в типичных корнях -РОД-, -СУД-, -ХОД-. Данная закономерность преимущественного использования $ж$ наряду с текстами, подвергшимися орфографической обработке, где преобладает альтернант $жд$ в смешанном типе чередования, является аргументом в пользу рассмотрения «второго южнославянского влияния» как проявления тенденции реализации традиций, сложившихся ещё в XI в. В ряде случаев положение южнославянского рефлекса в этот период укрепилось, но только на правах одного из членов генетически смешанного типа чередования, так как традиция употребления в текстах исконного альтернанта с немногочисленными вкраплениями $жд$ настолько сильна, что реализуется в памятниках церковнославянского и русского языков XVI–XVII вв.

4. В памятниках церковнославянского языка наблюдается тенденция к усилению южнославянских по происхождению альтернантов $*dj$ в XVII в., особенно в памятниках никоновской печати, где их количество в среднем возрастает до 73,56%. Данная особенность правленных по «еллино-греческому образцу» текстов не противоречила уже сложившимся реалиям гомогенного оформления рукописи и поэтому не встретила отпора со стороны своеобразного пуризма раскольников.

5. Кодификация преимущественного использования $жд$ в важнейших па-

мятников церковнославянского языка, помноженная на прогресс в издательском деле, привела к формированию южнославянского по происхождению типа чередования, пришедшего на смену смешанному типу альтернации. Поколение, которому предстояло творить в XVIII веке, активно усваивает новую норму реализации *dj, обучаясь по Псалтири и Часослову никоновской редакции. Таким образом, во второй половине XVII в. в церковнославянском языке восстанавливается идентичность реализации всех групп праславянских рефлексов в виде южнославянских по происхождению элементов и полная гомогенность текста. Для русского языка, способного к эволюции и адекватному отражению действительности, подобная гомогенность текстов была неприемлема. Если для церковнославянских памятников возможна была «правка» текста и его кодификация при помощи церковной догмы и печатного станка, то расширяющееся и усложняющееся пространство древнерусских текстов препятствовало гомогенности, тем более, что оно отражало складывающуюся систему литературного языка, вобравшего в себя иноязычные элементы.

По-иному действуют механизмы генетического отбора в фольклорных текстах. Развиваясь на основе диалектов, фольклорные тексты преследовали эстетические цели, что приводило к разнообразию поэтических средств. Анализ реализации генетически соотносительных элементов в сборниках Кирши Данилова, А.Ф. Гильфердинга, П.В. Киреевского, А.Н. Афанасьева убеждает, что генетическая неоднородность фольклорного текста является одним из важнейших принципов его художественной ткани. Об этом свидетельствуют факты нарушения генетической чистоты во всех представленных в сборниках группах рефлексов праславянских сочетаний. Однако степень такого нарушения различна. Например, в сборнике Кирши Данилова в группе слов с начальным *o-/e-* преобладают южнославянские элементы, а неполногласных форм в 5 раз меньше полногласных, причём круг их ограничен определённым списком (*благослови, праздник, власть, глас* и др.). Слова с полногласием составляют самую разнообразную и многочисленную группу, причём особый интерес представляют слова с корнями, имеющими в литературном языке гетерогенную или южнославянскую по происхождению огласовку (*середа, беремья, волога*). Группа лексем с рефлексами *tj, *dj сравнительно немногочисленна и реализуется в исконной огласовке: *А и конь под Ильею рассержается* [КД 240]; *никто здесь не прохаживает* [Гильф. 10]; *ухвачу из зыбки её дитя* [Аф. 84]; *У меня дани есть неплочны* [Гильф. 61] и др. В большинстве из представленных в былинах, исторических песнях и сказках глагольных образований и в памятниках древнерусской письменности также реализуются или предпочитают только исконные элементы. Во многих случаях это обусловлено отсутствием отглагольных существительных на *-ение*, где в большинстве случаев использовался южнославянский по происхождению альтернант, наличием форм 1 лица ед.ч. настоящего (простого будущего) времени с запретом на /жд/ и глаголов с суффиксом *-ива-*, перед которым употреблялся только исконный альтернант.

Южнославянские по происхождению рефлексы фиксируются спорадиче-

ски и, как правило, в словах, реализующих в истории русского языка альтернант /щ/, а также в слабых звеньях морфонологической парадигмы с рефлексом *dj: *Аз буду тебя захищатъ* [Аф. 7]; для-ради **рождения** богатырскова [КД 15] и под. Однако варьирование генетически неоднородных элементов прослеживается только в группе «отдельных слов», гетерогенность которых вследствие позиционной свободы и отсутствия давления со стороны однокоренных образований всегда была высокой: *завела **нужда**-бедность* [КД 19] – *А забудем бедность-**нужу** великую* [КД 56] и др. Таким образом, функционирование исследуемых рефлексов во многом совпадает с особенностями их фиксации в древнерусском литературном языке, что свидетельствует об общих тенденциях освоения южнославянских рефлексов и исконности языковой основы русского литературного языка.

Одной из важнейших особенностей организации исследованных фольклорных текстов является безусловное тяготение к гетерогенному использованию элементов во всех анализируемых группах, вплоть до определенного варьирования генетически соотносительных пар в творчестве одних и тех же сказителей. Чаще всего эффект генетического разнообразия достигается за счёт концентрации в тесно связанных контекстах лексем с полногласием и неполногласием, например: *А и женское дело **прелестивое**, прелестивое, перепадчивое* [КД 52]; *А с тем поди к царю **пред** очи, **Перед** ево очи царская* [КД 224]; *Золоты ключи **градские*** [СНП 124]; *Стали рвать без **череду***; *Закричали в **один глас*** [СНП 121]; *А большой **хорониться** за **среднева**, А **средний хорониться** за **меньшева*** [ОБ II 120]; *Через тот ли **через град через** Черниговской, **Через** тую грязь да **через** черную, И ко стольному ко **городу** ко Киеву* [ОБ III 498] и др. Высокий гетерогенный потенциал фольклорного текста подтверждается также контекстами с совмещением генетически неоднородных элементов разных групп: *Схороните меня, **молодца**, между трех дорог: **Между** Сурской, **между** Карсунской, **третьей** Питерской; В **головах**-то поставьте у добра **молодца** Животворящий крест* [СНП 143]; *Мог бы постоять **один** за Киев **град*** [ОБ II 19];]; *Сторона ль, наша **сторонюшка**, Гульливая, **прохладливая!** Я любил гулять, **прохлаждатися**, С **чужой** женой забавлятися; **Чужа** жена – лебедь белая, лебедушка, А моя жена – **полынь** горькая, **огородная*** [СНП 152] и под.

Такой своеобразный генетический рисунок сложно объяснить только требованиями «музыкального и стихотворного ритма», особенно в тех случаях когда дублиеты различаются только согласными, ср.: *У царей силы по **целой** есть по **тысяще**, А у королей по **десяти** тысяч* [ОБ II 330]. Однако с учётом того, что «удельный вес слова в эпосе чрезвычайно велик», а «певцы взвешивают слова и дорожат ими» [Пропп 1958: 531], можно утверждать, что такая гетерогенность фольклорного текста – явление не случайное, а закономерное. Особо показателен в этом плане своеобразный «симбиоз» гетерогенных элементов не только в пределах контекста, но и в пределах слова, причём структура таких трансплантатов достаточно устойчива: *злаченный, **ограждает**, **прохлаждались** (**прохлаждается**), **саждаючи**, **прегороды*** и под.

Отбор и закрепление гетерогенных элементов обусловлены особенностями народнопоэтической речи: гетерохронностью, давлением метрики на выбор слова, сохранением многочисленных семантически однозначных фонетических, морфологических и морфонологических дублетов, значимостью стилистического стандарта и формульного стиля в отборе лексических средств и грамматических форм. Наибольшей вариативностью обладают изолированные полногласные/неполногласные корнесловы, функционирующие в исследованных фольклорных текстах в качестве абсолютно тождественных и свободных морфонологических дублетов.

Несмотря на совпадение некоторых закономерностей взаимодействия гетерогенных рефлексов в фольклоре и литературном языке, в ряде случаев специфика и традиции устнопоэтической речи накладывают определённые рамки и на реестр генетически соотносительных пар, и на отбор тех или иных по происхождению рефлексов, и на особенности их употребления. В результате этого генетическая структура фольклорного текста обладает высокой и достаточно своеобразной системой гетерогенности, когда отпечатываются не только варианты диалектной системы, но и пополняется арсенал языковых средств за счёт генетически родственного языка.

В V главе **«Гомогенность и гетерогенность как свойство системы современного русского языка»** рассматриваются особенности реализации генетически соотносительных элементов в русских народных говорах (5.1), генетическая специфика словообразовательных гнёзд в русском литературном языке (5.2) и генетическая организация трансплантатов (5.3).

Специфика развития диалекта и литературного языка позволяет рассматривать их в оппозиции, однако с течением времени диалекты приобретают ряд ранее им несвойственных качеств. В частности, открытость и проницаемость диалектных систем, узуальная норма способствуют проникновению в говоры инодиалектных и иноязычных элементов. В последнее время диалекты испытывают сильное влияние со стороны литературного языка, поддерживаемого и системой государственного образования, и средствами массовой коммуникации.

Сопоставительное изучение различных групп рефлексов праславянских сочетаний в русских диалектах и литературном языке показало, что на фоне значительного количества исконных элементов в русских народных говорах присутствует 10,26% исследуемых южнославянских по происхождению элементов, тогда как в современном русском литературном языке их более 24%.

Сопоставительный анализ параметров адаптации южнославянских по происхождению элементов в системе русских народных говоров и современного литературного языка свидетельствует о разной степени экспансии разных групп праславянских рефлексов. Самую значительную часть в диалектах представляют слова с неполногласием – 87,76% всех исследуемых форм в южнославянском облики. Однако в современном литературном языке неполногласных форм в 2,5 раза больше, чем в диалектах. Важной особенностью диалектов является генетически неоднородная огласовка

практически всех корневых морфов, тогда как в литературном языке возможно отсутствие не только соотносительных неполногласных, но и полногласных корней. Подобная гетерогенность огласовки корней в диалекте, по всей видимости, обусловлена не только проницаемостью и повышенной вариативностью их системы, но и её большей консервативностью по сравнению с литературным языком, позволяющей сохранить ряд прежних состояний функционирования языковых единиц.

Однако в отдельно взятых системах говоров подобная гетерогенность корней реализуется редко. В частности, по данным «Словаря донских говоров» (далее – СДГ) зафиксировано только 19% корней в генетически неоднородной огласовке, в «Словаре говоров Соликамского района Пермской области» (далее – СГС) – 11%, тогда как большая часть корней реализует или полногласие (соответственно 71,48% и 89%), или неполногласие (для СДГ – 9,52%). В целом уровень отдельного диалекта характеризуется стремлением к определенной генетической гомогенности, что, по нашим наблюдениям, было свойственно и отдельным памятникам восточнославянской, старорусской, церковнославянской письменности, и образованиям от большинства корней в русском и церковнославянском языках. Следствием действия этой тенденции является наличие в диалектах многочисленных слов, содержащих в своей структуре генетически однородные элементы, например: *бороново-лочитель, золотоволосник — златовласый, преждевременный* и под.

Второй по численности группой реализации южнославянских элементов (8,48%) являются слова с рефлексами *dj, однако проницаемость южнославянского по происхождению рефлекса *dj в отдельных диалектных системах в 4 раза ниже, чем для неполногласия. При этом, в отличие от почти стопроцентной гетерогенности корневых морфов с рефлексами праславянских сочетаний с плавными, реализация генетически неоднородных рефлексов *dj ограничена определёнными корнями, однако в целом она выше, чем в современном языке. Так, из 21 пары гетерогенно оформленных в русских народных говорах корней, образующих системные глагольные образования, в современном литературном языке в полную силу (исключая формы 1 л. ед. ч.) не могут реализоваться более половины. Кроме того, корней -горожд-, -пложд-, -слежд- нет в литературном языке, а корни (y)гож-, -граж-, -нуж-, (o)свобож-, -слаж-, -труж- представлены только формой 1 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени. В диалектах все указанные корни не имеют ограничений, свойственных современной системе литературного языка, ср: *огорожденье, догораждывать, плождение, наслеждение; изгожаться, принуженный, награть, свобожать, наслаженье, прислаживать, повреждать* и др.

Закономерности позиционного распределения гетерогенных рефлексов *dj в литературном языке наблюдаются и в диалектах, однако запреты в литературном языке на употребление южнославянского по происхождению альтернанта перед суффиксом -ива- и окончанием -у 1 лица ед.ч. настоящего (простого будущего) времени нарушаются в системах говоров. Позиции перед суффиксами -а- (41,3%) и -ени[j]- (27,17%) являются наиболее характер-

ными для южнославянского по происхождению рефлекса *dj, причем в диалектах данный альтернант в существительных употребляется в полтора раза реже, чем в глаголах, тогда как в литературном языке данные позиции практически равноправны.

Существенным отличием от литературного языка является употребление в некоторых говорах альтернанта /дж/, генетическая природа которого окончательно не установлена: *обгородживать, побуждать, зануджанный*. По всей видимости, появление /дж/ в современных русских говорах, помимо результатов языковой интерференции (в СРНГ включены слова, зафиксированные на Западной Брянщине), в ряде случаев можно квалифицировать и как своеобразную контаминацию, аналогичную той, что возникает в детской речи.

Количество южнославянских по происхождению рефлексов *tj в русских говорах значительно меньше, чем неполногласных сочетаний и слов с /жд/ – 7,5% (в литературном языке – 22,9% только в системных глагольных образованиях). В отличие от литературного языка, где четко разведены корни, реализующие во всех без исключения позициях определенный по происхождению рефлекс, в диалектах представлены гетерогенно оформленные пары. Для литературного языка не только невозможны ²/₃ зафиксированных в СРНГ гетерогенных пар, но и корни типа *защич-* (*защичивать*), *-хич-* (*охичивать*), (*об)вороц-* (*обворощаться*).

В целом ряде говоров в отличие от литературного языка отсутствуют рефлексы *tj, *dj в форме 1 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени в результате выравнивания основы за счет ликвидации альтернации, при этом в некоторых говорах, например в донских, такие формы типичны (98,6% для глаголов с исходом на -т'- и 91,2% на -д'-), а в других наблюдаются расхождения в наличии/отсутствии альтернации у разных рефлексов. В частности, в соликамских говорах форм на -дю только 5,3%, тогда как форм на -тю – 40%, что обусловлено особенностями фонетической системы. Как правило, формы на -тю характеризуют системы говоров, где или отсутствуют аффрикаты, или происходит переход к цоканью или от цоканья. Расхождения в реализации рефлексов *tj и *dj в данной форме в русских народных говорах – ещё одно свидетельство их различной судьбы в истории русского языка.

В говорах также имеются случаи «дефектного» (контаминированного) полногласия и «ложной альтернации», например: *коровать* (кровать), *перестрона* (*пересторона); *ослождение* (осложнение), *подрождать* (подрожать) и под. Аналогичные явления наблюдались в истории литературного языка ХУП – ХУШ вв. под давлением активно внедряющегося южнославянского по происхождению рефлекса *dj, например *стражда, хыжда*.

При общей тенденции к гомогенности на уровне подсистем в диалектах и литературном языке по-разному соотносятся гетерогенные элементы: для диалектов характерна более высокая, чем в литературном языке, способность гетерогенного оформления корня: от полной соотнесённости полногласия/неполногласия до некоторых ограничений в гетерогенном оформлении

корней с рефлексами *tj, *dj. Широкая и разнообразная представленность гетерогенной структуры слова в диалектах объясняется не только проницаемостью и повышенной вариативностью их системы, но и её большей консервативностью по сравнению с системой литературного языка. При этом функционирование южнославянских по происхождению элементов в говорах более органично, чем в литературном языке, что обусловлено самим процессом заимствования их своей, а не инославянской системы. Это снижает порог сопротивляемости южнославянским по происхождению рефлексам и усилению процессов адаптации, ведущих к гетерогенности огласовки корневых морфов, отмене позиционных запретов и закономерностей сочетаемости, и как результат – к разнообразию трансплантатов.

Определённой спецификой гетерогенности обладают и словообразовательные гнёзда в современном русском литературном языке, так как одним из важных критериев завершающей стадии адаптации иноязычного элемента является его сочетание с исконными элементами. В связи с этим показательны особенности представления генетически коррелирующих диагностирующих признаков на словообразовательном уровне современного русского литературного языка.

В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова зафиксировано 47 словообразовательных гнезд (далее – СГ), совмещающих генетически соотносительные элементы. Исследуемые группы праславянских рефлексов по-разному представлены в гетерогенных СГ.

Наиболее проницаемой в словообразовательном отношении является группа с полногласными и неполногласными сочетаниями, входящая в 31 гетерогенное СГ, что составляет более 66% общего числа анализируемых гнёзд. В абсолютном большинстве случаев (76%) полногласие преобладает над неполногласием, что позволяет предположить трансплантацию южнославянских по происхождению элементов в исконное гнездо. Как правило, неполногласные образования в СГ с восточнославянским генетическим фоном представлены единичными образованиями, имеют ограничения в употреблении и в большинстве случаев оттеснены на его периферию, нередко находясь на границе гнезда, ср: *колос* (30 слов) – *клас* (устар.), *мороз* (116) – *мраз* (устар.); *борода* (33) – гомогенность наблюдается и в гетерогенном СГ, где преобладание полногласных форм незначительно (55,56%), а в качестве заголовочного вынесено неполногласное слово *среди*, так как все слова с полногласием менее употребительны и стилистически маркированы (*среди* и *середь* – устар. и поэт., *середний*, *посереду* и *середович* – устар., *посередь* – прост.).

В гетерогенных СГ с преобладанием восточнославянского по происхождению рефлекса полногласные корни имеют более высокий словообразовательный потенциал при образовании сложных слов, при этом полногласие предпочитается в опорном (последнем) компоненте, равном целому слову, а неполногласие – в первом компоненте, представляющем чистую основу. По всей видимости, это объясняется тем, что в русском языке основное ударение падает преимущественно на опорный компонент, вследствие чего полногла-

сие более реально во второй части слова, чем в первой, лишенной поддержки основного ударения, для которой характерным становится неполногласный корень как краткая морфема. Иными словами, в начале сложного слова наличие неполногласия обусловлено тем, что, как отмечал еще А. А. Потебня, язык не дорожит звуком, если он не имеет смысла.

Структура гетерогенных СГ с преобладанием полногласия аналогична иерархии единиц в СГ, где в образованиях чаще реализуется неполногласие. Слова с полногласием в них также находятся на периферии гнезда и имеют пометы, свидетельствующие о возможном выходе из него, например: *храбрый* (19) — *хоробрый* (устар.); *чрево* (15) — *черево*, *черёво* (устар., обл.), *черевий*, *надчеревный*; *трезвый* (43) — *тверёзый* (прост.), *тверёзость*.

Таким образом, слова с полногласием и неполногласием входят в состав гетерогенных СГ на правах малопродуктивных членов на однородном генетическом фоне, что отражает тенденцию к гомогенности СГ.

Системные глагольные образования с восточнославянским по происхождению рефлексом *dj сближаются с наличием полногласия в гетерогенных СГ (в среднем соответственно 67% и 66%). Однако в группе «отдельных слов» уровень образований с альтернантом ж<*dj повышается до 93,02%, где при наличии нейтральных коррелятов типа *надежда*, *одежда* и стилистически ограниченных эквивалентов *надёжа*, *одёжа* словообразование происходит только на базе исконно оформленного корня.

В гетерогенных СГ с преобладанием альтернанта /ж/<*dj в системных глагольных образованиях уровень слов с южнославянским по происхождению рефлексом значительно выше, чем в СГ, где представлена «группа отдельных слов» — от 9% до 43,8%. В двух СГ они преобладают: образований с корнем *-сужд-* — 56,82%, с корнем *-рожд-* — 62,14%.

Все СГ, совмещающие генетически неоднородные рефлексy *dj в системе образований с полной парадигмой чередований, характеризуются целым рядом общих закономерностей. Образования, реализующие генетически соотносительные элементы, обладают исторически сложившейся словообразовательной структурой, обусловленной отношениями дополнительного распределения: альтернант /ж/ фиксируется в глаголах перед суффиксами *-ива-* и образованных от них именах существительных с суффиксом *-ни[j]-*, альтернант /жд/ — в именах существительных с суффиксом *-ени[j]-*. В глаголах с суффиксом *-а-* гетерогенные альтернанты конкурируют, причём количественно (соответственно 83,2% и 16,8%) и качественно преобладает южнославянский по происхождению рефлекс, ср.: *прохлажаться* (устар. и прост.) — *прохлаждатьсь*, *рожаться* (устар.) — *рождаться* и др. Особенности образования глаголов с генетически неоднородными рефлексами *dj закономерно приводят к дифференциации словообразовательной структуры существительных, ср.: *насаживание* — *насаждение*; *обхаживание* — *обхождение*. Следует отметить, что более древняя словообразовательная модель встречается в два раза чаще, чем исконно русская, составляя значительную долю образований с южнославянским по происхождению рефлексом *dj в гетерогенных СГ ($\frac{1}{7}$ для гнезда с заголовочным словом *родить*, $\frac{1}{6}$ — *сажать* и $\frac{1}{3}$ —

судить, холод) или нарушая гомогенность гнезда (например, *ходить – хождение, вхождение* и др.). Список существительных на *-ждение* является закрытым, тогда как существительные на *-живание* можно образовать практически от любого глагола на *-ивать*, что подтверждается результатами проведенного нами эксперимента, в котором приняли участие люди с высшим филологическим образованием и студенты оренбургских вузов.

В целом образование слов с восточнославянским по происхождению альтернантом, опираясь на общеславянскую и исконные модели, обладает продуктивностью и высоким словообразовательным потенциалом.

Наряду со словообразовательной дифференциацией образований с генетически соотносительными рефлексами *dj в гетерогенных СГ наблюдается их семантическое и стилистическое разграничение, которое в большинстве случаев идет по линии абстрактное – конкретное, книжное – разговорное (просторечное) типа: *рассуждать* и *рассуживать*.

Особенности словообразования, семантики и стилистической окраски слов внутри анализируемых гетерогенных СГ закономерно приводят к гомогенной словообразовательной структуре членов гнезда, например: *перегораживать, предрождственский, прохоложивать, охлаждающий* и др.

Указанные закономерности распределения генетически неоднородных рефлексов *dj в гетерогенных СГ прослеживаются и в наиболее малочисленной (около 13% от общего числа СГ) группе с рефлексами *tj. Практически так же различается частотность южнославянских и восточнославянских по происхождению альтернантов в группе «отдельных слов» и системных глагольных образований. Однако по сравнению с рефлексами *dj данные отличия являются не количественными, а качественными: системные глагольные образования демонстрируют высокий уровень употребления альтернантов /щ/ <*tj – 53,9%, что выбивается из общей картины представленности южнославянских по происхождению рефлексов в гетерогенных СГ. Учитывая количество образований с рефлексами *tj в гетерогенных гнездах по сравнению с наполняемостью СГ других групп – 5,82%, а также их соотношение с образованиями моногенных гнезд – 3,7% , можно утверждать, что дифференциация генетически неоднородных рефлексов *tj происходила на раннем этапе истории русского языка, вследствие чего их взаимодействие было крайне ограниченным.

В группе «отдельных слов» также высок уровень рефлексов /щ/ (от 16,67% для рефлексов *tj до 45% для рефлексов *gt, *kt). Слова в южнославянском оформлении, как и в группах с другими рефлексами, находятся на периферии гетерогенного СГ и, как правило, сопровождаются пометами, ср.: *-свеч-* (10) и *свеща* (устар.), *свещеносец*.

Близки по структуре СГ, представляющим «группу отдельных слов», два СГ с системными глагольными образованиями, в одном из которых наличие в корне полногласных и неполногласных сочетаний обеспечивает гомогенную структуру слова (ср.: *окорачивать* и *сокращать*), а в гнезде с исконным словом *свят(ой)* на 27 случаев реализации альтернанта /щ/ приходится лишь одно образование с /ч/ – *свячёный*.

Только в оставшихся двух гетерогенных СГ с системными глагольными образованиями достаточно полно представлены те отношения, которые характеризуют гнезда с генетически неоднородными рефлексами *dj, но с той разницей, что в гнездах с рефлексами *tj преобладают южнославянские по происхождению альтернанты, что может свидетельствовать о трансплантации исконных элементов в чужеродное гнездо. Особенно показательны в плане параллелизма взаимоотношений рефлексов *dj и *tj морфонологические корреляты, где наличие того или иного по происхождению альтернанта сопровождается различиями в словообразовательной и семантической структуре слова, ср.: *взмучивать* и *возмущать*; *отсвечивание* и *освещение*.

Превалирование в гетерогенных СГ образований с исконными рефлексами во всех группах, кроме системных глагольных образований с рефлексами *tj, их продуктивность и высокий словообразовательный потенциал свидетельствуют о том, что южнославянские по происхождению элементы внедрялись в исконную систему.

Внутри гетерогенных СГ отношения полногласных и неполногласных слов существенно отличаются от распределения генетически неоднородных рефлексов *tj и *dj, которые обладают разным потенциалом в группе «отдельных слов», сближающихся по своим основным параметрам с положением в гетерогенных СГ полногласия и неполногласия, и в группе системных образований. Зависимость реализации гетерогенных рефлексов от морфонологической позиции в системных глагольных образованиях способствовала расхождению образований в том или ином генетическом оформлении в семантическом и стилистическом планах. Это позволяет им функционировать в гетерогенном СГ не на правах ядро/периферия, как это наблюдается в СГ с полногласием/неполногласием, а вплестаться во всю структуру гнезда, дифференцируясь по словообразовательному, семантическому и стилистическому признакам.

Структура большинства гетерогенных СГ свидетельствует об определенной устойчивости языковой системы, выражающейся в преобладающих тенденциях гомогенности гнезда, где образования с менее употребительными рефлексами, как правило, находятся на периферии гнезда или постепенно из него вытесняются.

Специфика трансплантации в русском языке способствовала генетической однородности элементов на уровне слова типа *времяпрепровождение*, *предупреждающий*, *позлащение*, *рабовладение* — *разверезживать*, *вымолачивание*, *золотоволосый* и др. На этом фоне очень редко встречаются трансплантаты – слова, совмещающие генетически неоднородные элементы. В современном русском литературном языке трансплантаты имеют определенную структуру:

И. КОРЕНЬ	+	КОРЕНЬ	Примеры
а) полногласие	+	неполногласие	<i>золотоглавый</i>
б) неполногласие	+	ж<*dj	<i>облагораживать</i> , <i>сла-</i> <i>стоежка</i>
в) жд<*dj	+	полногласие	<i>междугородный</i>

г) ж<*dj	+	неполногласие	<i>чужестранец</i>
е) ч<*tj	+	неполногласие	<i>дачевладелец</i>
II. КОРЕНЬ			
неполногласие	+	ж<*dj -ива-	<i>обезвредить</i>
	+	ж<*dj -у	<i>поврежу, загражу</i>
	+	ч<*tj	<i>злачѣный</i>
III. ПРИСТАВКА			
ПЕРЕ-	+	неполногласие	<i>переобременить</i>
	+	неполногласие+жд<*dj	<i>переохлаждать</i>
	+	неполногласие+ж<*dj -у	<i>переохладжу</i>
	+	щ<*tj	<i>пересыщать</i>
ПРЕ-	+	жд<*dj	<i>перубеждать</i>
	+	неполногласие +*dj -у	<i>прегражу</i>
	+	полногласие	<i>прехолодный</i>
*IV. КОРЕНЬ			
а) полногласие	+	СУФФИКС	
	+	щ<*tj	<i>обволакивающий</i>

Структурная организация трансплантатов позволяет выделить некоторые особенности трансплантационных процессов. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что неполногласный корень трансплантирует чужие элементы, тогда как корень с полногласием их отторгает. Однако в диалектах полногласие может сочетаться с южнославянским по происхождению альтернантом (*загорожденье* и под.). Широко сочетается с южнославянскими по происхождению элементами альтернант /ж/<*dj, тогда как для /ч/<*tj существуют ограничения. Практически нет запретов на употребление со всеми восточнославянскими элементами /щ/<*tj в суффиксах действительных причастий настоящего времени: *голосующий, выздоравливающий, деревоперерабатывающий, переоблагораживающий, перемежающий* и под.

Общее направление трансплантации подтверждает мысль Б. Гавранека о том, что «влияние чужого языка – не только внешний фактор, но и также нечто, связанное с внутренним, имманентным развитием языка, который избирает то, что требуется соответственно его структуре и языковым условиям его развития. То, что язык избирает, становится составной частью его имманентного развития, или, другими словами, активным является заимствующий язык, а пассивным – язык заимствуемый, и было бы неверно представлять это отношение обратным» [Гавранек 1972: 107].

Особенность русского языка «претворять в свою собственность всё, что ни входит в него извне» [Буслаев 1910: 79], приводит к гетерогенности его системы, при этом образований с исконными элементами не только количественно больше, чем образований с южнославянскими по происхождению элементами, но они обладают более высоким словообразовательным, семантическим и стилистическим потенциалом, в результате чего южнославянские по происхождению рефлексy, обогатив возможности литературного языка, находятся на периферии его системы. Такая способность русского языка к присвоению инославянских элементов сообразно специфике его системы и страт определила своеобразие в том числе и русского литературного языка, которое отмечено многими исследователями как «сожительство», «культурные преемства и наследия», «радиация», «прививка» (Н.С. Трубецкой), «дву-

мерность (a two-dimensional languages)» (Б.О. Унбегаун), «симбиоз, сращение, органическое слияние, смешение» (В.В. Виноградов), «амальгама» (Г.О. Винокур), «сплав» (Б.А. Успенский), «трансплантация, импортирование, инкрустирование» (В.В. Колесов, Н.И. Толстой, Б.А. Успенский), и обусловила его исключительные преимущества не только среди славянских, но и других литературных языков.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования и намечаются перспективы использования его результатов в изучении развития системы русского языка.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Бекасова, Е. Н. О генетической организации системы русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Вестник Оренбург. гос. ун-та. Гуманитарные науки. – Оренбург, 2005. – № 2. – С. 90–94.
2. Бекасова, Е. Н. Миф о превосходстве южнославянских по происхождению рефлексов в истории русского языка / Е. Н. Бекасова // Филологические науки. – 2005. – № 2. – С. 42–49.
3. Бекасова, Е. Н. Об изучении морфонологических чередований / Е. Н. Бекасова // Русская словесность. – 2005. – № 5. – С. 44–47.
4. Бекасова, Е. Н. «Чуду-юду я и так победу!» / Е. Н. Бекасова // Русский язык в школе. – 2006. – № 5. — С. 71–75.
5. Бекасова, Е. Н. Парадоксы интерпретации языковой ситуации Древней Руси. Концепция Н.С. Трубецкого / Е. Н. Бекасова // Вестник Оренбург. гос. ун-та, нояб. 2006. Спец. вып. – Оренбург. – 2006. Ч. 1. Наука и образование: проблемы и перспективы. — С. 4–8.
6. Бекасова, Е. Н. О ботве и ботвинье / Е. Н. Бекасова // Русский язык в школе: приложение Русский язык в школе и дома. – 2007. – № 8. — С. 12–14.
7. Бекасова, Е. Н. О специфике трансплантации и ауто трансплантации в текстах церковнославянского и русского языков / Е. Н. Бекасова // Вестник Челяб. гос. ун-та. Сер. «Филология и искусствоведение». – Челябинск, 2008. – Вып. 23. – С. 28–32.

Монографии и учебные пособия

8. Бекасова, Е. Н. Руководство по изучению старославянского языка: уч. пособие / Е. Н. Бекасова. – 3-е изд-е. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. – 123 с.
9. Бекасова, Е. Н. Вопросы образования и развития русского литературного языка. Синоптическая часть к курсу «История русского литературного языка»: учеб. пособие / Е. Н. Бекасова. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006 – 228 с.
10. Бекасова, Е. Н. Проблема происхождения русского литературного языка. Очерк гипотез и концепций: монография / Е. Н. Бекасова. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. – 100с.

Статьи и материалы конференций

11. Бекасова, Е. Н. Особенности морфонологических чередований в глаголах с основами на -д¹-, -т¹- в русских народных говорах (в сопоставлении с литературным языком) / Е. Н. Бекасова // Формирование и развитие говоров территорий позднего заселения. – Саратов: Изд-во СГУ, 1987. – С. 49–54.
12. Бекасова, Е. Н. Изучение рефлексов праславянских сочетаний *tj, *dj в истории русского языка. Основные проблемы / Е. Н. Бекасова. – Деп. в ИНИОН АН СССР 31.10.1988 г., № 35988. – С. 11–48.

13. Бекасова, Е. Н. О некоторых аспектах адаптации слов с генетически соотносительными элементами в системе русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка: материалы межвуз. науч. конф. (Свердловск, 8–11 окт. 1990 г.). – Свердловск, 1990. – Ч. 1. – С. 19–21.
14. Бекасова, Е. Н. Стилистические функции рефлексов *tj, *dj в памятниках письменности русского языка XI–XVII вв. / Е. Н. Бекасова // Историческая стилистика русского языка. – Петрозаводск, 1990. – С. 95–102.
15. Бекасова, Е. Н. О процессах аналогического выравнивания в детской речи / Е. Н. Бекасова // Твори для дітей і про дітей у вітчизняній і зарубіжній літературі // 1 частина: Тезі і матеріали доповіді міжвузівської науково-методичної конференції 11–15 травня 1991 року. – Одеса, 1991. – С. 84–85.
16. Бекасова, Е. Н. К проблеме функционирования генетически соотносительных элементов в языке русского фольклора / Е. Н. Бекасова // Русский фольклор: Проблемы изучения и преподавания: материалы межрег. науч.-практ. конф. – Тамбов, 1991. – Ч. 3. – С. 109–112.
17. Бекасова, Е. Н. Отражение становления норм русского литературного языка в словаре В. И. Даля (на материале морфонологических вариантов) / Е. Н. Бекасова // Материалы юбилейного круглого стола к 190-летию со дня рождения В. И. Даля (Луганск, 22–23 окт. 1991 г.). – Луганск, 1991. – С. 48–50.
18. Бекасова, Е. Н. К вопросу о влиянии семантического фактора на судьбу генетически соотносительных элементов в истории русского литературного языка / Е. Н. Бекасова. – Деп. в ИНИОН России 9.09.1992 г., № 47009. – С. 21–38.
19. Бекасова, Е. Н. Об усвоении норм морфонологической системы русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Культура речи: наука, образование, повседневность: материалы всерос. науч. конф. работников образования (Москва, 14–17 окт. 1993 г.). – М., 1993. – Ч. 2. – С. 6–7.
20. Бекасова, Е. Н. Об особенностях восприятия древнерусского текста современным читателем / Бекасова, Е. Н. // Личность и окружающая среда в современном мире: материалы XVII науч. конф. (Оренбург, 3–4 июня 1993 г.). – Оренбург, 1993. – С. 106–108.
21. Бекасова, Е. Н. Об особенностях реализации праславянских рефлексов в истории русского и украинского языков / Е. Н. Бекасова // Единицы языка и речи: структура, семантика, функция: межвуз. сб. науч. тр. – Тула, 1993. – С. 27–42. – Деп. в ИНИОН АН России 14.06.1993 г., № 56709.
22. Бекасова, Е. Н. О стилистической организации древнерусского текста / Е. Н. Бекасова // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе: материалы VII межвуз. конф. (Тверь, 9–10 апр. 1993 г.). – Тверь, 1993. – С. 118–119.
23. Бекасова, Е. Н. О морфонологической обусловленности образования отглагольных существительных / Е. Н. Бекасова // Единицы восточнославянских языков: структура, семантика, функция: межвуз. сб. науч. тр. – Тула, 1993. – С. 146–159. – Деп. в ИНИОН АН России 3.11.1993 г., № 48626.
24. Бекасова, Е. Н. О национальной специфике развития русского и украинского литературных языков / Е. Н. Бекасова // Укрепление взаимосвязей народов Урала и Поволжья и проблемы национальной региональной политики: сб. науч. тр. – Оренбург, 1994. – С. 297–302.
25. Бекасова, Е. Н. Об историко-культурных условиях развития языковых категорий / Е. Н. Бекасова // Духовная культура народов Южного Урала: история, традиции, проблемы: сб. науч. тр. – Оренбург, 1994. – С. 81–85.
26. Бекасова, Е. Н. О генетической предопределённости словообразовательной структуры отглагольных существительных / Е. Н. Бекасова // Закономерности эволюции словообразовательной системы русского языка: материалы всерос. науч. конф. Ин-та русского языка АН РФ (Оренбург, 26–28 мая 1994 г.). – М.; Оренбург, 1994. – С. 17–18.
27. Бекасова, Е. Н. О территориальной адаптации лексем с рефлексами *tj в системе рус-

- ского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Проблемы региональной лексикологии, фразеологии и лексикографии: сб. науч. тр. – Орёл, 1994. С. 16–17.
28. Бекасова, Е. Н. Историзм как концептуальная основа научной деятельности В. В. Виноградова / Е. Н. Бекасова // Виноградовские чтения: материалы XIX преподавательской и XXXVII студ. науч.-практ. конф. (Оренбург, 21–22 апр. 1995 г.). – Оренбург, 1995. – С. 12–16.
 29. Бекасова, Е. Н. О статусе рефлексов *tj, *dj в период «второго южнославянского влияния» / Е. Н. Бекасова // Структурно-семантический анализ функционирования языка. – Тула, 1995. – С. 3–13. – Деп. в ИНИОН 30.05.1995 г., № 50450.
 30. Бекасова, Е. Н. О коммуникативной лояльности славянских языков / Е. Н. Бекасова // Европа будущего: сб. материалов II междунар. конф. по проблемам интеркультурной коммуникации. – Оренбург; Ансбах (Германия), 1996. – С. 88–90.
 31. Бекасова, Е. Н. О некоторых языковых особенностях «русского барокко» / Е. Н. Бекасова // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры: сб. науч. тр. – Оренбург, 1996. – С. 129–134.
 32. Бекасова, Е. Н. Некоторые особенности языка «Назирателя» / Е. Н. Бекасова // Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры: сб. науч. тр. – Оренбург, 1996. – С. 135–137.
 33. Бекасова, Е. Н. О специфике оформления терминов в «Назирателе» / Е. Н. Бекасова // Терминоведение. – Т. 1–3. – М., 1996. – С. 111–114.
 34. Бекасова, Е. Н. О соотношении генетически неоднородных элементов в древнерусских памятниках XI в. / Е. Н. Бекасова // Проблемы славянской филологии: материалы науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. проф. С.В. Фроловой. – Самара, 1996. – С. 45–50.
 35. Бекасова, Е. Н. Соотношение южнославянских и восточнославянских по происхождению элементов в памятниках церковнославянского языка / Е. Н. Бекасова // Вестн. Оренб. пед. ин-та. – Филологические науки. Актуальные проблемы современной филологии. – Оренбург, 1996. – № 4. – С. 16–41.
 36. Бекасова, Е. Н. Наследие церковнославянского языка / Е. Н. Бекасова // Образование и православие: материалы науч.-практ. конф. (Оренбург, 5–7 марта 1996 г.). – Оренбург, 1996. – С. 45–47.
 37. Бекасова, Е. Н. Роль церковнославянского языка в становлении русского менталитета / Е. Н. Бекасова // Русская нация и русская идея: история и современность: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Оренбург, 15–16 нояб. 1996 г.). – Оренбург, 1996. – Ч. 2. – С. 42–44.
 38. Бекасова, Е. Н. История русского литературного языка как один из обязательных компонентов гуманитарного образования / Е. Н. Бекасова // Образование в Оренбуржье. История и современность: материалы науч.-практ. конф. (Оренбург, 13–14 марта 1997 г.). – Оренбург, 1997. – С. 36–38.
 39. Бекасова, Е. Н. О процессах трансплантации в языке / Е. Н. Бекасова // Терминоведение. – № 1–3. – М., 1997. – С. 32–34.
 40. Бекасова, Е. Н. О специфике реализации языковых контактов / Е. Н. Бекасова // Европа будущего: сб. материалов III междунар. науч. конф. по проблемам интеркультурной коммуникации (Оренбург, 21–23 мая 1997 г.). – Оренбург; Кемниц; Ансбах (Германия), 1997. – С. 89–90.
 41. Бекасова, Е. Н. Эффект лингвистического резонанса / Е. Н. Бекасова // Ценностное самоопределение в сферах жизнедеятельности выпускников школы: материалы VI науч.-практ. конф. (Оренбург, 6–7 июня 1997 г.). – Оренбург, 1997. – С. 112–113.
 42. Бекасова, Е. Н. О генетической организации текста Киевской Псалтири 1397 г. / Е. Н. Бекасова // Украинцы в Оренбургском крае: материалы науч.-практ. конф. – Оренбург, 1997. – С. 138–140.
 43. Бекасова, Е. Н. О специфике организации средневековых текстов / Е. Н. Бекасова //

- Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: материалы междунар. конф. (Владимир, 23–25 сент. 1997 г.). – Владимир, 1997. – С. 29–31.
44. Бекасова, Е. Н. Реципиентные свойства текста / Е. Н. Бекасова // Лингвистический и эстетический аспекты анализа текста: материалы междунар. науч. конф. (Соликамск, 4–5 дек. 1997 г.). – Соликамск, 1997. – С. 77–78.
 45. Бекасова, Е. Н. О специфике реализации генетически соотносительных элементов в памятниках церковнославянского языка русской редакции / Е. Н. Бекасова // Материалы междунар. съезда русистов в Красноярске (1–4 октября 1997 г.). – Красноярск, 1997. – С. 62–64.
 46. Бекасова, Е. Н. Статистические параметры южнославянских по происхождению элементов в русских народных говорах / Е. Н. Бекасова // Вестн. Оренб. пед. ин-та. Гуманитарные науки. Языкознание. – Оренбург, 1997. – № 2 (6). – С. 4–14.
 47. Бекасова, Е. Н. Об особенностях становления литературной нормы во второй половине XVIII в. / Е. Н. Бекасова // Вестн. Оренб. пед. ин-та. Гуманитарные науки. – Оренбург, 1998. – №2 (8). – С. 5–14.
 48. Бекасова, Е. Н. Структура трансплантатов в современном русском языке / Е. Н. Бекасова // Вопросы общего, сравнительно-исторического, сопоставительного языкознания: Русский филологический вестник. – М., 1998. – № 2. – С. 19–25.
 49. Бекасова, Е. Н. О ложной альтернации в русских народных говорах / Е. Н. Бекасова // Историко-культурное наследие славян на Южном Урале: материалы науч. конф., посвящ. Дням славянской культуры в Оренбурге. – Оренбург, 1998. – С. 180–181.
 50. Бекасова, Е. Н. «Наш словенский язык» / Е. Н. Бекасова // Христианство и ислам на рубеже веков: материалы всерос. науч.-практ. конф. – Оренбург, 1998. – С. 294–297.
 51. Бекасова, Е. Н. Генетический фон фольклорного текста / Е. Н. Бекасова // Язык. Система. Личность: материалы докл. и сообщ. междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23–25 апр. 1998 г.). – Екатеринбург, 1998. – С. 22–24.
 52. Бекасова, Е. Н. Гетерогенные словообразовательные гнезда в современном русском языке / Е. Н. Бекасова // Вестн. Оренб. пед. ун-та. Гуманитарные науки. – Оренбург, 1999. – №1 (11). – С. 5–20.
 53. Бекасова, Е. Н. «Стихия возникающего слова» / Е. Н. Бекасова // Проблемы лингвистического образования школьников: материалы V зон. конф. «Филологический класс»: Наука – ВУЗ – школа». – Екатеринбург, 1999. – С. 218–223.
 54. Бекасова, Е. Н. А.С. Пушкин об истории русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Два века с Пушкиным: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Оренбург, 17–18 фев. 1999 г.). – Оренбург 1999. – Ч. 1– С. 49–53.
 55. Бекасова, Е. Н. Закономерности вхождения и адаптации иноязычной лексики в Петровскую эпоху / Е. Н. Бекасова // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. – М., 1999. – С. 59–65.
 56. Бекасова, Е. Н. Семантический фактор в судьбе праславянских рефлексов / Е. Н. Бекасова // Семантика языковых единиц: докл. VI междунар. конф. – М., 1999. – С. 92–94.
 57. Бекасова, Е. Н. Генетический фон фольклорного текста / Е. Н. Бекасова // Язык. Система. Личность: сб. науч. тр. (Екатеринбург, 24–26 апр. 1999 г.). – Екатеринбург, 1999. – С. 229–235.
 58. Бекасова, Е. Н. Гетерогенность как свойство языковой системы / Е. Н. Бекасова // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: материалы III междунар. науч. конф. (Владимир, 23–26 сент. 1999 г.). – Владимир, 1999. – С. 22–24.
 59. Бекасова, Е. Н. Своеобразие языкового пуризма старообрядцев / Е. Н. Бекасова // Язык. Человек. Картина мира: сб. науч. тр. – Омск, 2000. – Ч. II. – С. 62–64.
 60. Бекасова, Е. Н. Функциональный потенциал морфонологической системы русского литературного языка XVIII в. / Е. Н. Бекасова // Язык. Система. Личность: сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2000. – С. 489–497.
 61. Бекасова, Е. Н. «Свое» и «чужое» в языке / Е. Н. Бекасова // «Наши» и «чужие» в рос-

- сийском историческом сознании: материалы междунар. науч. конф. – СПб., 2001. – С. 117–119.
62. Бекасова, Е. Н. Синдром «единый аз» и творчество старообрядцев / Е. Н. Бекасова: V Житниковские чтения. Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте (Челябинск, 28–29 мая 2001 г.). – Челябинск, 2001. – С. 116–122.
63. Бекасова, Е. Н. О некоторых аспектах реформы церковнославянского языка в XVII в. / Е. Н. Бекасова // Язык и образование: сб. науч. тр. – Великий Новгород, 2001. – С. 12.
64. Бекасова, Е. Н. Оренбургский край как источник лексикографических изысканий В. И. Даля / Е. Н. Бекасова // Владимир Иванович Даль и современные филологические исследования: сб. науч. работ: Ин-т языковедения им. А. А. Потебни НАН Украины. – Киев, 2002. – С. 104–107.
65. Бекасова, Е. Н. Русские прозвища как отражение ментальности / Е. Н. Бекасова // Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений: X Конгресс Междунар. ассоциации преподавателей рус. языка и литературы (Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г.). – СПб., 2003. – С. 293–303.
66. Бекасова, Е. Н. Право славянской книги на жизнь / Е. Н. Бекасова // Евразийское ожерелье. Альманах общественного института истории народов Оренбуржья. – Оренбург, 2003. – Вып. 4. – С. 141–162.
67. Бекасова, Е. Н. Гетерогенность как свойство системы диалекта / Е. Н. Бекасова // Русский язык: исторические судьбы и современность: II междунар. конгресс исследователей рус. яз.: тр. и материалы / МГУ. Филологический факультет (Москва, 18–21 марта 2004 г.). – М., 2004. – С. 79–80.
68. Бекасова, Е. Н. Ещё раз «об актуальнейшем вопросе русской филологии» / Е. Н. Бекасова // Модернизация филологического образования: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Оренбург, 4–5 нояб. 2004 г.). – Оренбург, 2004. – С. 23–26.
69. Бекасова, Е. Н. «Переимчивый и общежительный» / Е. Н. Бекасова // Этнокультурное многообразие народов России как фактор стабильности в обществе: материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Оренбург, 2004. – С. 218–223.
70. Бекасова, Е. Н. О некоторых особенностях морфонологического облика форм 1 лица единственного числа в современном русском языке / Е. Н. Бекасова // Русский язык и литература рубежа XX–XXI веков: специфика функционирования: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Самара, 5–7 мая 2005 г.). – Самара, 2005. – С. 273–276.
71. Бекасова, Е. Н. Курс «Язык и культура речи» в системе вузовской подготовки / Е. Н. Бекасова // Актуальные проблемы торгово-экономической деятельности и образования в рыночных условиях: шестая науч.-практ. конф. РГТЭУ: сб. науч. тр. (Оренбург, 28 апреля 2005 г.) – Оренбург, 2005. – С. 269 – 273.
72. Бекасова, Е. Н. Исторический комментарий фонетических явлений современного русского литературного языка: рекомендации по подготовке к экзаменам по истории русского языка и государственному экзамену по русскому языку / Е. Н. Бекасова. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. – 34 с.
73. Бекасова, Е. Н. О специфике сосуществования и взаимодействия гетерогенных рефлексов в текстах церковнославянского и русского языков / Е. Н. Бекасова // Язык и общество в синхронии и диахронии: тр. и материалы междунар. науч.-пр. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. проф. Л.И. Баранниковой. – Саратов, 2005. – С. 70–74.
74. Бекасова, Е. Н. «Двумерность» русского литературного языка и её роль в становлении русской ментальности / Е. Н. Бекасова // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке: материалы всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 14–16 апреля 2005 г.). – Екатеринбург, 2005. – С. 319–325.
75. Бекасова, Е. Н. Кирилло-мефодиевские традиции и «наш словенский язык» / Е. Н. Бекасова // Мир славянской письменности и культуры: материалы заседания «круглого

- стола», посвящ. основателям славянской письменности равноапостольным Кириллу и Мефодию (Оренбург, 24 мая 2005 г.). – Оренбург, 2006. – С. 8–14.
76. Бекасова, Е. Н. Феномен симбиоза в становлении русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Проблемы лингвокультурологического и дискурсивного анализа: материалы всерос. науч. конф. «Язык. Система. Личность» (Екатеринбург, 23–25 апр. 2006 г.). – Екатеринбург, 2006. – С. 6–10.
77. Бекасова, Е. Н. Динамика развития русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Профессиональная коммуникация и проблемы культуры речи: материалы «круглого стола» (Оренбург, 14 февраля 2006 г.): сб. ст. – Уфа, 2006. – С. 62–69.
78. Бекасова, Е. Н. История русского литературного языка в представлении А.С. Пушкина / Е. Н. Бекасова // Вместе на одной земле. Этническая история и культура казахов Оренбуржья. – Оренбург, 2006. – С. 235–243.
79. Бекасова, Е. Н. Механизмы генетической организации системы русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Русский язык: исторические судьбы и современность: III междунар. конгресс исследователей русского языка: тр. и материалы / МГУ, филологический факультет (20–23 марта 2007 г.). – М., 2007. – С. 41–42.
80. Бекасова, Е. Н. Процессы трансплантации в истории русского языка / Е. Н. Бекасова // VIII Житниковские чтения (VIII; 2007): информационные системы: гуманитарная парадигма: материалы всерос. науч. конф. (Челябинск, 20–22 февр. 2007 г.). – Челябинск, 2007. – С. 47–49.
81. Бекасова, Е. Н. Книжность как ментальный феномен / Е. Н. Бекасова // Социально-образовательная среда лица как условие формирования конкурентоспособной личности учителя и ученика: материалы XVI науч.-практ. конф. препод. и учителей (Оренбург, 5–6 июня 2007 г.). – Оренбург, 2007. – С. 163–171.
82. Бекасова, Е. Н. «В начале было слово...» / Е. Н. Бекасова // Традиции славянской письменности и культуры в Оренбуржье: сб. материалов. – Оренбург, 2007. – Вып. 20. – С. 5–14.
83. Бекасова, Е. Н. К. С. Аксаков как историк языка / Е. Н. Бекасова // Традиции славянской письменности и культуры в Оренбуржье: сб. материалов. – Оренбург, 2007. – Вып. 20. – С. 111–115.
84. Бекасова, Е. Н. Закономерности совмещения генетически неоднородных элементов в русском языке / Е. Н. Бекасова // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: К 100-летию А. М. Иорданского: материалы седьмой междунар. конф. (Владимир, 25–27 сент. 2007 г.). – Владимир, 2007. – С. 64–65.
85. Бекасова, Е. Н. Проблемы русского литературного языка в видении А. С. Пушкина / Е. Н. Бекасова // Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Оренбург, 6–7 ноября 2007 г.). – Оренбург, 2007. – Т. 1. – С. 37–44 (0,52 п.л.).
86. Бекасова, Е. Н. Камень преткновения славистики: природа русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Языки профессиональной коммуникации: материалы III междунар. науч. конф. (Челябинск, 23–25 октября 2007 г.). – Челябинск, 2007. – Ч. I. – С. 108–110.
87. Бекасова, Е. Н. Языковая личность XVII в.: иллюзии противоречий / Е. Н. Бекасова // Креативная языковая личность в этносоциокультурном и прагмалингвистическом контексте: материалы междунар. науч. конф. «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива» (Екатеринбург, 24–26 апреля 2008 г.). – Екатеринбург, 2008. – С. 22–27.

Тезисы докладов научных конференций

88. Бекасова, Е. Н. О фоносемантике древнерусского текста / Е. Н. Бекасова // Проблемы фоносемантики: тез. выступ. на совещании / Ин-т языкознания АН СССР. – М., 1989. – С. 5–7.

89. Бекасова, Е. Н. О некоторых аспектах изучения истории русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Совершенствование качества подготовки учителей гуманитарных специальностей через систему заочного обучения: тез. докл. и сообщ. (Уфа, 22–23 марта 1990 г.). – Уфа, 1990. – С. 70–72.
90. Бекасова, Е. Н. О факторах закрепления южнославянских элементов в системе русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Проблемы истории индоевропейских языков: тез. докл. и сообщений всесоюз. науч. конф. – Тверь, 1991. – Ч. 2. – С. 160–162.
91. Бекасова, Е. Н. Типы морфонологических чередований с рефлексами *dj, *tj в русских народных говорах (в сопоставлении с литературным языком) / Е. Н. Бекасова // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров: тез. докл. кафедр вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока (Красноярск, 2–4 окт. 1991 г.). – Красноярск, 1991. – С. 14–16.
92. Бекасова, Е. Н. Об особенностях реализации рефлексов *dj в глаголах 1 лица единственного числа в истории русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции: тез. докл. всесоюз. науч. конф. Ин-та русского языка АН СССР (Ужгород, 23–25 окт. 1991 г.). – М.; Ужгород, 1991. – С. 177.
93. Бекасова, Е. Н. А. А. Потебня об особенностях реализации рефлексов *tj, *dj в восточнославянских языках / Е. Н. Бекасова // А.А. Потебня – исследователь славянских взаимодействий: тез. докл. и сообщ. всесоюз. науч. конф. (Харьков, окт. 1991 г.). – Харьков, 1991. – Ч. 2. – С. 7–9.
94. Бекасова, Е. Н. Об особенностях реализации чередований с генетически неоднородными альтернантами в разговорной речи / Е. Н. Бекасова // Культура речи в разных сферах общения: тез. докл. всерос. науч. конф. (Челябинск, 15–17 сент. 1992 г.). – Челябинск, 1992. – С. 70–74.
95. Бекасова, Е. Н. Об особенностях формирования морфонологической системы русского и украинского языков / Е. Н. Бекасова // Исторические изменения в языковой системе как результат функционирования единиц языка: тез. докл. межрегион. науч. конф. (Калининград, 4–6 окт. 1992 г.). – М.; Калининград, 1992. – С. 109.
96. Бекасова, Е. Н. О взаимодействии семантической и морфонологической структуры слова / Е. Н. Бекасова // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка (функциональный аспект): тез. докл. всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 22–25 февр.). – Екатеринбург, 1993. – С. 11–12.
97. Бекасова, Е. Н. Об особенностях функционирования лексем с рефлексами *dj в истории русского языка / Е. Н. Бекасова // Принципы функционального описания языка: тез. всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 18–20 марта 1994 г.). – Екатеринбург, 1994. – Ч. 1. – С. 11–12.
98. Бекасова, Е. Н. О синтагматических отношениях генетически неоднородных единиц в системе современного русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Грамматические категории и единицы. Синтагматический аспект: тез. междунар. конф. – Владимир, 1995. – С. 14–16.
99. Бекасова, Е. Н. О функционировании генетически соотносительных морфов в современном русском литературном языке / Е. Н. Бекасова // Проблемы русской морфематики: тез. докл. междунар. лингвистич. конф. (Орехово-Зуево, 11–13 нояб. 1995 г.). – Орехово-Зуево, 1995. – С. 50–52.
100. Бекасова, Е. Н. О специфике интеркультурной коммуникации в славянских языках / Е. Н. Бекасова // Интеркультурная коммуникация: сб. тез. междунар. конф. – Оренбург; Кемниц (Германия), 1996. – С. 28–29.
101. Бекасова, Е. Н. Функционирование морфонологической системы русского языка / Е. Н. Бекасова // Язык. Система. Личность: тез. докл. и сообщений симпозиума (Екатеринбург, 25–27 нояб. 1996 г.). – Екатеринбург, 1996. – С. 8.
102. Бекасова, Е. Н. Роль фонетического фактора в становлении типов чередований с

рефлексами *tj, *dj / Е. Н. Бекасова // Фонетика в системе языка: тез. II международного симпозиума МАПРЯЛ (Москва, 19–22 нояб. 1996 г.). – М., 1996. – С. 22–23.